

Протоіерей П. Д. Головинъ.

12 января сего года, въ 8^{1/2} часовъ утра, въ г. Тобольскѣ скончался бывшій ректоръ Тобольской духовной семинаріи, протоіерей *Петръ Димитріевичъ Головинъ*. Въ лицѣ покойнаго сошелъ въ могилу чело-вѣкъ, въ теченіе почти 35 лѣтъ доблестно проходившій служеніе церк-ви и обществу, въ теченіе 27 лѣтъ въ званіи ректора, стоявшій во гла-вѣ Тобольской семинаріи, воспитавшій многочисленный сонмъ учениковъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ теченіе долгаго времени всѣ перемѣны во внѣшнемъ и внутреннемъ строѣ Тобольской семинаріи, весь учебный, воспитательный и хозяйственный укладъ семинарской жизни, от-ношенія, установившіяся между членами семинарской корпораціи, режимъ, опредѣлявшій жизнь воспитанниковъ, — все это такъ или иначе соединяет-ся съ именемъ покойнаго Петра Димитріевича. Многочисленные ученики его занимаютъ различныя мѣста на епархіальной службѣ не въ Тоболь-ской только епархіи, но и въ сосѣднихъ епархіяхъ Омской и Екатерин-бургской, въ которыхъ нѣтъ собственныхъ семинарій. Затѣмъ, значитель-ное число учениковъ покойнаго состоитъ на разныхъ должностяхъ въ административныхъ учрежденіяхъ Тобольской губерніи. Наконецъ, не мало учениковъ покойнаго, особенно прошедшихъ высшую духовную или свѣт-скую школу, разсѣяны по всей Россіи, проходя самыя разнообразныя по-прища служебной дѣятельности.

Поставляя своюю задачею со временемъ написать подробную біогра-фію П. Д.—ча, которая будетъ выѣсть съ симъ исторіей семинаріи за 27 лѣтъ его ректорства, мы въ настоящемъ случаѣ ограничимся только краткими некрологическими свѣдѣніями о покойномъ.

П. Д.—чь родился 26 іюня 1845 г. въ г. Соликамскѣ Пермской епархіи, въ семьѣ діакона. Отецъ его скончался рано и оставилъ на рукахъ своей вдовы, безъ всякихъ средствъ существованія, дочь и трехъ сыновей. Мать П. Д.—ча, получивъ мѣсто просфорни въ томъ же Соликамскѣ, на тѣ гроши, которые она получала по этой должности, должна была прощитывать себя и своихъ дѣтей. Въ разказахъ самого П. Д.—ча, дѣтство его рисуется безрадостнымъ, проведеннымъ въ угнетающей бѣдности, холодѣ и голодѣ, соединенныхъ со слезами матери, бывшейся какъ рыба объ ледь. Этими первыми живыми впечатлѣніями дѣтства, можетъ быть, объясняется та черта характера П. Д.—ча, что онъ понималъ положеніе всякаго бѣдняка и нуждающагося, никогда не отказывалъ тѣмъ, которые, обращались къ нему за матеріальной помощью,—будь это малосостоятельные и неимущіе воспитанники или какіе-нибудь проходимцы и босяки, которые частенько визитировали къ П. Д.—чу.

Достигнувъ школьнаго возраста, П. Д.—чь поступилъ въ Соликамское духовное училище и былъ принятъ на казенное содержаніе. Такимъ образомъ, съ самаго поступленія въ школу, онъ сдѣлался тѣмъ, что на техническомъ языкѣ тогдашняго времени означалось названіемъ „полнаго бурсака“, т. е. воспитанника, состоявшаго на полномъ училищномъ иждивеніи.

Не красна была однако жизнь маленькаго ученика въ Соликамскомъ училищѣ, представлявшемъ обычный типъ старой дореформенной бурсы. Физическія наказанія учениковъ были здѣсь обычнымъ воспитательнымъ средствомъ, ученики нерѣдко голодали и ходили босыми. Не смотря на это, П. Д.—чь не вынесъ горькаго чувства изъ училища, заложившаго въ него первыя сѣмена знанія и давшаго ему матеріальныя средства для образованія. Духовная школа явилась для П. Д.—ча, хотя и суровую, но заботливую мать, которая дала ему, горькому сиротѣ, низшее, среднее и высшее образованіе, не только не потребовавъ отъ него за это ни копейки денегъ, а напротивъ, давъ ему всѣ находившіяся въ ея распоряженіи духовныя и матеріальныя средства, чтобы сдѣлать его достойнымъ служителемъ церкви и общества. И П. Д.—чь страстно любилъ эту школу и въ благодарность за все, что она дала ему, онъ самъ отдалъ на служеніе ей всѣ свои духовныя и физическія силы.

Успѣшно окончивъ курсъ Саликамскаго училища, П. Д.—чь въ 1860 г. поступилъ для продолженія образованія въ Пермскую духовную

семинарію. Опять, въ теченіе шести лѣтъ, духовная школа безвозмездно учила, воспитывала и содерживала его. Полный бурсакъ, онъ опять всецѣло находился на иждивеніи школы, не мечтая о полученіи отъ матери какого-нибудь гривенника.

По окончаніи съ отличными успѣхами семинаріи, П. Д—чь, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, былъ отправленъ въ 1866 г. на казенный счетъ въ Казанскую духовную академію. Успѣшно выдержавъ вступительные экзамены, онъ былъ принятъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ академіи. Такимъ образомъ, и высшая духовная школа, какъ средняя и низшая, дала ему въ теченіе четырехъ лѣтъ готовое содержаніе.

XIII курсъ (1866—1870 г.), въ составъ котораго вступилъ П. Д—чь, представляется замѣчательнымъ въ исторіи Казанской академіи: изъ него вышла цѣлая плеяда дѣятелей, прославившихся потомъ на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Къ характеристикѣ этого курса достаточно сказать, что къ нему принадлежали А. В. Вадковскій, нынѣ Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій, Ѳ. А. Кургановъ и М. И. Богословскій, состоящіе въ настоящее время профессорами Казанской академіи, покойные профессора той же академіи Д. В. Гусевъ и Н. Ѳ. Красносельцевъ, скончавшійся профессоромъ Новороссійскаго университета, Н. П. Остроумовъ, нынѣшній помощникъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа.¹⁾ Самъ П. Д—чь окончилъ въ 1870 г. академическій курсъ съ правомъ на полученіе степени магистра богословія чрезъ два года службы. Отнесеніе П. Д—ча къ такому разряду воспитанниковъ академіи показываетъ, что въ глазахъ своего ближайшаго начальства онъ не всегда считался вполне исправнымъ студентомъ: признавая его достойнымъ по успѣхамъ магистерской степени, академическое начальство, очевидно, желало предварительно удостовѣриться въ его благонадежности и дать магистерство только послѣ двухлѣтней службы съ одобреніемъ отъ начальства.

По разсказамъ самого П. Д—ча, ближайшею причиною пониженія его въ порядковомъ спискѣ кончившихъ курсъ академіи былъ фактъ, о которомъ упоминается на 261—262 стр. I тома „Исторіи Казанской духовной академіи“ П. В. Знаменскаго. Нужно однако замѣтить, что фактъ этотъ покойнымъ изображался нѣсколько иначе, сравнительно съ тѣмъ,

¹⁾ Для Тобояковъ сдѣлаемъ замѣчаніе, что къ этому курсу принадлежали доселѣ здравствующій бывшій директоръ Тобольской гимназіи П. И. Пановъ и покойный инспекторъ Тобольской семинаріи И. П. Ксенофоновъ.

какъ онъ понять былъ тогдашнимъ ректоромъ академіи, архимандритомъ Никаноромъ Бровковичемъ, и какъ онъ освѣщенъ почетнымъ историкомъ Казанской академіи.

Съ окончаніемъ академическаго курса для П. Д-ча завершились дни его школьной жизни. Прекрасную характеристику пройденной имъ школы, опредѣляющей самое призваніе воспитанниковъ ея, далъ ректоръ академіи, архимандритъ Никаноръ въ рѣчи, которою онъ напутствовалъ (16 іюня 1870 г.) студентовъ XIII курса, при окончаніи ими академическаго образованія. „Ни одного атома въ вашемъ организмѣ нѣтъ, говорилъ знаменитый витія окончившимъ курсъ академіи студентамъ, — который не былъ бы церковнымъ и не принадлежалъ бы церкви, какъ собственность, купленная цѣною. Сообразите. Цѣлыя поколѣнія вашихъ отцовъ ѣли хлѣбъ церковный. Въ домахъ родителей вы выросли на хлѣбѣ церковномъ. Затѣмъ воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ. Сообразите, на чей это счетъ цѣлую четверть человѣческаго вѣка вы жили и получали ваше высшее блистательное образованіе? На счетъ пота и крови, черноты и бѣдности, нравственной скудости и невѣжества чернаго русскаго человѣка — стародавняго крестьянина, всегдашняго неизмѣннаго христіанина. Отъ скуднаго прибѣтка чернаго труда своего онъ сегодня, завтра и послѣзавтра несетъ на свѣчку въ жертву Богу свой грошъ. Изъ этихъ жертвенныхъ грошей ежегодно составляются сотни тысячъ жертвъ, посвященныхъ Богу и принадлежащихъ церкви. И вотъ въ счетъ этихъ жертвъ съ минуты зарожденія вашего вы росли и выросли и стали носителями умственнаго свѣта, маяками, зажженными во мракѣ ночи... Можно ли послѣ этого кому-либо изъ васъ отрицать то, что вы — народная жертва Богу, что вы собственность церкви до мозга вашихъ костей, что вы куплены потомъ и кровью темнаго русскаго православнаго люда для извѣстной церковной жертвенной цѣли, что вы свѣчка, которую русскій человѣкъ зажегъ святымъ свѣтомъ и колится на нее, и кланяется, и во время священнослуженія глядитъ на нее и глядя радуется, или плачетъ и умиляется!... Вы — носители народной религіи, свѣточи божественнаго свѣта, который и предъ Богомъ поставленъ горѣть жертвеннымъ пламенемъ чистоты и вѣры, и на людей жертвоприносящихъ отражаться отблескомъ божественной истины и теплотою земной любви и назиданія“ ...¹⁾

¹⁾ Цит. по „Исторіи Казанской дух. академіи“ П. В. Знаменскаго, т. I, стр. 260—261.

По окончаніи академическаго курса, П. Д-чъ 18 іюня 1870 г. поступилъ преподавателемъ Священнаго Писанія въ свою родную Пермскую семинарію, гдѣ въ 1872 г. былъ утвержденъ въ степени магистра богословія. Проходя преподавательскую должность, П. Д-чъ состоялъ членомъ педагогическаго собранія семинарскаго правленія, болѣе двухъ лѣтъ былъ секретаремъ сего правленія, $3\frac{1}{2}$ мѣсяца исполнялъ должность инспектора семинаріи.

При тяжелыхъ условіяхъ приходилось П. Д-чу нести свою службу и исполнять свои обязанности въ Пермской семинаріи. По рассказамъ покойнаго, въ семинарской корпораціи не было мира и единодушія, члены семинарскаго правленія дѣлились на партіи, открыто враждовавшія одна съ другой. При рѣшеніи учебно-воспитательныхъ вопросовъ среди членовъ педагогическаго собранія семинарскаго правленія не рѣдко возникали распри и несогласія, противныя партіи по поднятому вопросу высказывали діаметрально противоположныя сужденія, къ постановленіямъ правленія несогласные прилагали свои „особыя мнѣнія“, обращались съ жалобами другъ на друга къ епархіальному преосвященному. Какъ о вурьезѣ П. Д-чъ рассказывалъ о такомъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто во время его службы въ Пермской семинаріи. Въ качествѣ члена педагогическаго собранія семинарскаго правленія, по одному вопросу, не мудрствуя лукаво, присоединился къ мнѣнію большинства. Мнѣніе это, какъ постановленіе правленія, въ мотивированномъ видѣ было занесено въ журналъ. Но ректоръ, не соглашаясь съ постановленіемъ правленія, высказалъ свое особое мнѣніе и потребовалъ отъ П. Д-ча, какъ *секретаря*, чтобы онъ письменно изложилъ это мнѣніе, надлежащимъ образомъ обосновалъ его и, такъ сказать, опровергнулъ свое собственное мнѣніе. И послушный секретарь молчаливо, не возражая, исполнилъ свою нѣсколько странную обязанность...
Понятно, какъ долженъ былъ чувствовать себя среди этой борьбы страстей, раздоровъ и несогласій П. Д-чъ, основною чертою характера котораго, даже въ то время, когда впоследствии онъ самъ сдѣлался начальникомъ семинаріи, было стремленіе рѣшать всякаго рода вопросы семинарской жизни единогласно, избѣгая несогласій, а тѣмъ болѣе раздоровъ. Эти неблагоприятныя условія службы въ Пермской семинаріи отчасти, а главнымъ образомъ его желаніе послужить церкви Божіей въ санѣ священника заставили его оставить духовно-учебную службу

и перейти на должность законоучителя въ вѣдомство Министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1875 г. П. Д-чу было предложено занять мѣсто законоучителя въ Тобольской губернской гимназіи. Онъ принялъ это предложеніе и 23 февраля 1875 г. былъ рукоположенъ во священника къ Пермской семинарской Іоанно-Вогословской церкви, а 1-го марта того же года послѣдовало назначеніе его на должность законоучителя Тобольской гимназіи. Такимъ образомъ, для П. Д-ча начался второй періодъ его общественной дѣятельности, уже въ санѣ священника и законоучителя свѣтскаго учебнаго заведенія.

За время гимназической службы, въ званіи законоучителя, П. Д-чъ въ теченіи цѣлаго 187⁵/₆ учебнаго года преподавалъ во II, VI и VII классахъ гимназіи нѣмецкій языкъ и болѣе восьми мѣсяцевъ, въ томъ же учебномъ году, состоялъ класснымъ наставникомъ въ IV классѣ гимназіи. На ряду съ гимназическою службою онъ 1 января 1876 г. былъ опредѣленъ законоучителемъ Тобольской Маріинской женской школы.

Сослуживцы П. Д-ча, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться, вспоминали свою совмѣстную службу съ нимъ въ гимназіи добрымъ словомъ, характеризовали его, какъ душевнаго человѣка и хорошаго товарища. Равнымъ образомъ и ученики покойнаго по гимназіи, которыхъ можно встрѣтить еще не мало, неизмѣнно отзываются о П. Д-чѣ, какъ добрымъ снисходительномъ „батьюшкѣ“, уроки котораго носили характеръ бесѣды; въ нихъ П. Д-чъ являлся не сухимъ преподавателемъ, а живымъ и симпатичнымъ *наставникомъ*.

Впрочемъ, гимназическая служба П. Д-ча продолжалась только два года съ небольшимъ. Въ этотъ короткій промежутокъ времени онъ, конечно, не могъ во всей полнотѣ проявить своихъ достоинствъ, какъ человѣка и наставника. Вскорѣ онъ былъ призванъ на служеніе воспитавшей его духовной школѣ, уже въ званіи ректора семинаріи.

Н. Бирюковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Протоіерей П. Д. Головинъ *).

23 марта 1877 г. скоропостижно скончался ректоръ Тобольской духовной семинаріи, протоіерей Н. С. Потоцкій. Семинарское правленіе, которому, по дѣйствовавшему тогда уставу, предоставлялось избраніе ректора, предложило, между другими кандидатами, баллотироваться на эту должность П. Д.—чу. Отвѣчая на сдѣланное предложеніе утвердительно, онъ заявлялъ правленію, что „желалъ бы вновь возвратиться въ духовно-

*) См. № 3 „Тобольск. Епархіальн. Вѣдом.“ за 1910 г.

учебное вѣдомство и, по мѣрѣ силъ своихъ, въ лицѣ юношества Тобольской семинаріи, послужить въ новомъ званіи церкви, которая съ малыхъ лѣтъ (8-ми) кормила, поила и образовала его исключительно на свои небогатые средства“. 15 апрѣля семинарское правленіе единогласно избрало П. Д—ча ректоромъ Тобольской семинаріи, 3-го іюня послѣдовало утвержденіе его въ этой должности Св. Синодомъ и 26-го іюня онъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея. Такимъ образомъ начался новый третій періодъ служенія П. Д—ча церкви и обществу: въ теченіе 27-ти лѣтъ онъ, въ званіи ректора, стоитъ во главѣ Тобольской семинаріи, сдѣлавшейся для него роднымъ и любимымъ дѣтищемъ.

Вступивъ въ должность ректора, П. Д—чъ взялъ на себя преподаваніе нравственнаго богословія въ VI классѣ семинаріи. Послѣ же преобразованія семинаріи по уставу 1884 г., съ 15 августа 1885 г., до конца семинарской службы, онъ преподавалъ священное писаніе въ VI классѣ. Кромѣ сего, за недостаткомъ наличныхъ наставниковъ, за время семинарской службы, ему временно приходилось преподавать догматическое (въ 1880 г.) и нравственное богословіе (въ 1888—1889 г.).

Въ качествѣ преподавателя, покойный не принадлежалъ къ числу, такъ называемыхъ, блестящихъ лекторовъ. Лекціи его, особенно по нравственному богословію, часто являлись задушевными бесѣдами, въ которыхъ преподаватель совершалъ экскурсы въ различныя области научнаго знанія, касался самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ явленій, и говорилъ о повседневномъ поведеніи ученика, его въ будущемъ служеніи церкви и обществу. Нерѣдко такого рода бесѣды затягивались на длинный рядъ классныхъ уроковъ. Равнымъ образомъ и при спрашиваніи заданнаго урока, П. Д—чъ часто подхватывалъ какую-нибудь высказанную ученикомъ мысль, начиналъ подробно развѣивать ее, въ горячей рѣчи подтверждалъ сказанное, приводилъ подходящіе примѣры. Такое веденіе дѣла преподаванія, несомнѣнно, не выгодно отражалось на выполненіи официальной программы изучаемаго предмета, изъ нея многое приходилось опускать, установленный программу курсъ не проходилъ сполна. Но этотъ недостатокъ выкупался тѣмъ, что ученики слышали изъ устъ преподавателя не сухія научныя положенія, но жизненныя, освѣщенные опытомъ и согрѣтыя чувствомъ правила, заключавшія въ себѣ руководственныя указанія относительно поведенія учениковъ въ школѣ и въ послѣдующей жизни ихъ, какъ церковно-общественныхъ дѣятелей по преимуществу. Этотъ дидактиче-

скій элементъ, которымъ запечатлѣны были классные уроки П. Д—ча, прекрасно характеризуетъ его, какъ наставника, не ограничивающаго своихъ обязанностей сообщеніемъ воспитанникамъ известной суммы знаній, но считавшаго своимъ долгомъ внѣдрить въ нихъ твердые принципы, опредѣлявшіе какъ школьное поведеніе, такъ и общественную дѣятельность ихъ.

Но не преподавательскою дѣятельностью П. Д—чъ создалъ себѣ имя, которое будетъ неизгладимыми чертами вписано въ исторію Тобольской семинаріи. Онъ создалъ себѣ лестную репутацію ректора — отца своими достоинствами администратора, своею дѣятельностью по благоустройству ввѣреннаго ему учебнаго заведенія, своими отношеніями къ сослуживцамъ и ученикамъ.

Тобольская семинарія была преобразована по уставу 1867 г. только въ 1875 г. Посему, когда П. Д—чъ вступилъ въ должность ректора, жизнь семинаріи только что направлялась по новому руслу, которое опредѣлялось этимъ уставомъ. Со стороны П. Д—ча требовалось не мало заботъ и стараній утвердить новый строй семинарской жизни. И онъ съ честью вышелъ изъ предстоящихъ ему затрудненій. Дѣло это облегчалось для него, съ одной стороны, тѣмъ, что онъ уже 5 лѣтъ прослужилъ въ Пермской семинаріи, которая ранѣе Тобольской была преобразована по уставу 1867 г. Ему, такимъ образомъ, хорошо былъ известенъ внѣшній и внутренній строй семинарской жизни, опредѣлявшійся этимъ уставомъ. Съ другой стороны, и въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ семинаріи, которое для неопытныхъ администраторовъ на первыхъ порахъ ихъ службы обычно являются камнемъ преткновенія, П. Д—чъ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ дѣла, какъ человѣкъ, болѣе двухъ лѣтъ состоявшій секретаремъ правленія въ преобразованной уже семинаріи. Благодаря этому, онъ съ самыхъ первыхъ шаговъ своей ректорской дѣятельности могъ поставить себя даже въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ по управленію семинаріей въ независимое положеніе отъ тѣхъ лицъ изъ семинарской корпораціи, которыя, умудренные служебнымъ опытомъ и искусившіяся въ бумажной работѣ, могли мечтать о руководительствѣ новымъ ректоромъ въ этомъ отношеніи. Архивныя дѣла и вообще дѣлопроизводство семинаріи за время ректорства П. Д—ча показываютъ, что каждая даже малозначущая бумага, выходящая изъ канцеляріи семинаріи, подвергалась тщательной его корректурѣ, постановленія семинарскаго

правления внимательно редактировались имъ, многое писалось имъ самимъ. Но вмѣстѣ съ симъ, какъ администраторъ, при рѣшеніи различныхъ вопросовъ семинарской жизни, онъ всегда считался съ мнѣніемъ своихъ сослуживцевъ. Затѣмъ, извѣстная энциклопедичность образованія воспитанниковъ старой духовной школы, къ которой принадлежалъ П. Д—чь, давала ему возможность быть не безмолвнымъ зрителемъ при веденіи преподавателями учебнаго дѣла въ семинаріи. И въ этомъ отношеніи онъ являлся руководителемъ своихъ подчиненныхъ, не подавляя ихъ авторитетомъ своей власти, а стремясь къ возможно лучшей постановкѣ дѣла преподаванія. Въ воспитательномъ дѣлѣ онъ не являлся формалистомъ, для котораго воспитанникъ представляется предметомъ только внѣшняго воздѣйствія. Совмѣщая справедливость начальника съ любовью отца, онъ при всякомъ проступкѣ, совершенномъ ученикомъ, стремился къ тому, чтобы наказаніе, наложенное на виновнаго, было не карательною только мѣрою, но средствомъ вразумленія и исправленія его. Наконецъ, хозяйственная часть семинаріи, нашла въ лицѣ новаго ректора начальника, который, заботливо приложилъ всѣ мѣры къ улучшенію матеріальной обстановки ввѣреннаго ему учебнаго заведенія и особенно въ улучшеніи пищи и одежды воспитанниковъ.

Благодаря заботамъ и трудамъ П. Д—ча, семинарія, прочно вступивъ на путь, опредѣленный уставомъ 1867 г., изъ учебнаго заведенія, въ которомъ оставалось еще не мало закъаски старой бурсы, преобразовалась въ благоустроенное во всѣхъ отношеніяхъ учебное заведеніе.

Скоро П. Д—чь имѣлъ утѣшеніе видѣть одобреніе первыхъ шаговъ своей дѣятельности въ званіи ректора семинаріи. Въ 1879 г. послѣдовала ревизія Тобольской семинаріи членомъ—ревизоромъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ С. В. Керскимъ, который призналъ состояніе семинаріи въ учебномъ, воспитательномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ. Обстоятельство это, естественно, должно было поощрить новаго ректора, вдохнуть въ него новыя силы къ дальнѣйшей дѣятельности по благоустройству семинаріи.

Между тѣмъ требованія времени выдвинули новыя задачи для духовной школы, возложившія на ректора новые труды и заботы. Мы разумѣемъ введеніе въ дѣйствіе устава духовныхъ семинарій 1884 г. Умудренный уже довольно продолжительнымъ административнымъ опытомъ, П. Д—чь, легко выполнивъ дѣло преобразованія семинаріи по новому уста-

ву, съ прежней энергіей и заботливостію продолжалъ управлять семинаріей, вникая во всѣ мелочи семинарской жизни. О результатахъ этой дѣятельности П. Д—ча свидѣтельствуетъ ревизія Тобольской семинаріи членомъ—ревизиромъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ А. М. Докучаевымъ въ 1893 г. Ревизоръ, отозвавшійся о семинаріи, какъ о благоустроенномъ учебномъ заведеніи, въ частности самымъ лестнымъ образомъ образомъ рекомендовалъ П. Д—ча, какъ начальника семинаріи.

Говоря о дѣятельности П. Д—ча по званію ректора семинаріи, нужно имѣть въ виду, что всѣ его начинанія, направленные къ благоустройству семинаріи, всегда отличались практичностью, имѣли цѣлію улучшить постановку учебнаго дѣла, удовлетворить тѣ или другія запросы воспитанія, дать воспитанникамъ матеріальныя средства, которыя облегчили бы имъ прохожденіе семинарскаго образованія.

Изъ такого рода начинаній П. Д—ча должно отмѣтить, прежде всего, устройство имъ храма при Тобольской семинаріи. Самъ являясь церковникомъ, онъ смотрѣлъ на семинарскій храмъ, какъ на лучшее средство религіознаго воспитанія учениковъ и вѣдренія въ нихъ духа церковности. 20 мая 1891 г. въ педагогическомъ собраніи семинарскаго правленія было заслушано предложеніе П. Д—ча о необходимости устройства при семинаріи собственнаго храма, при чемъ онъ представилъ обстоятельныя соображенія относительно мѣста будущаго храма необходимыхъ для его устройства средствъ. Вполнѣ соглашаясь съ предложеніемъ ректора, правленіе постановило просить ходатайства тогдашняго Тобольскаго преосвященнаго Іустина предъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода о разрѣшеніи устройства при семинаріи храма и объ единовременномъ отпускѣ изъ Хозяйственнаго Управленія на этотъ предметъ 2500 руб. Высказавъ согласіе съ постановленіемъ правленія и призвавъ на задуманное П. Д—мъ „доброе дѣло“ благословеніе Божіе, преосвященный возбудилъ надлежащее ходатайство, которое было уважено высшимъ духовно-учебнымъ начальствомъ, отпустившимъ однако на устройство храма вѣсто просимыхъ 2500 руб. только 1400 руб. По распоряженію преосвященнаго, П. Д—чъ былъ назначенъ предсѣдателемъ строительнаго комитета по устройству семинарскаго храма имени святителя Дмитрія, митрополита Ростовскаго, какъ „патрона Сибирскія земли“, состоявшаго въ теченіе 10 мѣсяцевъ митрополитомъ Тобольскимъ. Много трудовъ, хлопотъ и личныхъ матеріальныхъ затратъ стоило П. Д—чу, какъ предсѣ-

дателью строительнаго комитета устройство семинарскаго храма. Онъ сумѣлъ привлечь къ этому дѣлу многихъ благотворителей, внесшихъ на устройство храма вещами до 1500 руб. и деньгами до 2000 руб.,—всего на сумму 3500 руб. Благодаря этимъ пожертвованіямъ, а также энергіи и постоянному наблюденію за работами П. Д—ча, устройство храма было благополучно доведено до конца и 27 января 1893 г. послѣдовало его торжественное освященіе. Въ одной изъ рѣчей, которыя были произнесены въ связи съ торжествомъ освященія храма, преосвященный Густинъ почелъ долгомъ отмѣтить заслуги П. Д—ча въ этомъ дѣлѣ. „Не могу, говорилъ, обращаясь къ нему, Тобольскій архипастырь, не выразить Вамъ, боголюбивѣйшій о. ректоръ, моей искренней признательности за Ваше горячее усердіе къ устройенію сего благолѣпнаго храма“. Будемъ надѣяться, что семинарскій храмъ надолго останется памятникомъ заботъ П. Д—ча о религиозномъ, въ духѣ церковности, воспитаніи вѣрннхъ его попеченію учениковъ, что въ этомъ храмѣ долго будутъ возноситься молитвы о упокоеніи въ небесныхъ обителяхъ храмоздателя протоіерея Петра.

Другимъ важнѣйшимъ дѣломъ П. Д—ча по благоустройству семинарской жизни являются открытіе имъ при семинаріи епархіальнаго общежитія. Дѣло это всецѣло принадлежитъ инициативѣ П. Д—ча. Онъ сумѣлъ заинтересовать въ немъ епархіальное духовенство, убѣдилъ его отпустить средства на устройство общежитія и давать ежегодное ассигнованіе на его содержаніе. Назначенный 20 марта 1887 г. предсѣдателемъ Комитета по устройству общежитія, П. Д—чъ въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ неустанно трудился надъ этимъ дѣломъ, и въ 1889 г., съ начала учебнаго года, общежитіе было открыто. Въ настоящее время *ест* епархіальные воспитанники семинаріи, т. е. дѣти духовенства Тобольской епархіи, не получившіе казеннаго и полуказеннаго содержанія, пользуются бесплатнымъ помѣщеніемъ и содержаніемъ въ общежитіи. Нѣтъ нужды распространяться о значеніи для духовенства Тобольской епархіи этого общежитія. Благодаря существованію послѣдняго, члены епархіальнаго духовенства—особенно малосостоятельные и многосемейные—избавились отъ тягостныхъ и нерѣдко непосильныхъ матеріальныхъ затратъ на образованіе своихъ дѣтей во время прохожденія ими семинарскаго курса. По нашему мнѣнію, каждый изъ бывшихъ воспитанниковъ Тобольской семинаріи, пользовавшійся бесплатнымъ содержаніемъ въ общежитіи, а равнымъ образомъ и тѣ воспитанники, которые въ настоящее время пользуются

таковымъ содержаніемъ въ немъ, и, наконецъ, тѣ, которымъ въ будущемъ придется жить подъ кровомъ общежитія, должны памятовать, что родители ихъ избавлены отъ заботъ о матеріальномъ обеспеченіи своихъ дѣтей, благодаря П. Д—чу, какъ главному дѣятелю въ устройствѣ епархіального общежитія. Для самого же П. Д—ча устроенное имъ общежитіе будетъ незабвеннымъ памятникомъ его заботъ о благѣ своихъ воспитанниковъ, интересы которыхъ онъ всегда близко принималъ къ сердцу.

Такимъ же важнымъ дѣломъ, которое соединяется съ именемъ П. Д—ча, касающимся матеріальнаго обеспеченія учениковъ, является открытіе въ 1902 г. „Общества вспомошествованія нуждающимся учащимся въ Тобольской духовной семинаріи“. Общество это было открыто по инициативѣ П. Д—ча, онъ былъ первымъ крупнымъ жертвователемъ въ пользу его и первымъ предсѣдателемъ Комитета Общества, давшимъ направленіе его дальнейшей дѣятельности. Всѣ эти заслуги по отношенію къ Обществу были почтены избраніемъ П. Д—ча въ его почетные члены. Не обладая еще большими капиталами, Общество однако уже въ настоящее время оказываетъ важную помощь воспитанникамъ семинаріи, снабжая ихъ иногда безвозвратными пособиями, а обычно заимообразными ссудами на удовлетвореніе ихъ текущихъ матеріальныхъ потребностей. Можно надѣяться, что при сочувствіи духовенства къ Обществу, выражающемся въ ежегодныхъ пожертвованіяхъ въ пользу его со стороны членовъ приходскихъ причтовъ, Общество, увеличивъ свои капиталы, сравняется съ другими подобными благотворительными обществами, располагающими значительными суммами. Тогда, въ возможно широкихъ размѣрахъ осуществляя свои задачи, оно всегда будетъ напоминать всѣмъ прибѣгающимъ къ его услугамъ, о П. Д—чѣ, какъ ректорѣ, по инициативѣ котораго возникло самое Общество, поставившее своею цѣлью дѣло помощи нуждающимся воспитанникамъ.

Въ задачу нашу не входитъ перечисленіе другихъ фактовъ, характеризующихъ административную дѣятельность П. Д—ча. Говорить объ этихъ фактахъ значитъ излагать исторію Тобольской семинаріи за время ректорства покойнаго. Но и сказаннаго выше, кажется, достаточно, чтобы утверждать, что въ лицѣ П. Д—ча во главѣ семинаріи стоялъ человекъ, который былъ начальникомъ учебнаго заведенія не по имени только. Это былъ ректоръ, являвшійся хозяиномъ дѣла во всѣхъ сторонахъ семинарской жизни, близко принимавшій къ сердцу интересы вѣренной ему школы, прилагавшій всѣ заботы къ ея благоустройству.

Н. Бирюковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Протоіерей П. Д. Головинъ *).

Біографія П. Д-ча была бы далеко не полна, если бы мы коснулись только его преподавательской и законоучительской службы и дѣятельности по должности ректора семинаріи. Занимая эту послѣднюю должность, П. Д-чъ принималъ самое широкое участіе въ духовно-просвѣдительныхъ, церковно-общественныхъ, епархіальныхъ дѣлахъ и учрежденіяхъ. Можно сказать, что почти всѣ подобнаго рода дѣла и учрежденія въ Тобольской епархіи не обходились безъ его участія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ покойный являлся лицомъ, бравшимъ на себя самую инициативу открытія того или другого просвѣдительнаго и научнаго дѣла, въ которомъ затѣмъ онъ долгое время оставался главнымъ работникомъ. Въ другихъ случаяхъ онъ, наравнѣ съ другими, принималъ дѣятельное участіе въ предварительныхъ работахъ по открытію такихъ учрежденій и былъ дѣятельнымъ членомъ ихъ. Наконецъ, поставленный во главѣ нѣкоторыхъ епархіальныхъ учрежденій, П. Д-чъ являлся въ нихъ главнымъ, направлявшимъ всю работу, дѣятелемъ.

Говоря объ этой церковно-общественной дѣятельности П. Д-ча, на первое мѣсто должно поставить участіе его въ дѣлѣ церковно-школьнаго образованія, отмѣтить заслуги его, какъ предсѣдателя Тобольскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. Заслуги его по этой должности для церковно-школьнаго образованія обстоятельно выяснены въ рѣчи нынѣшняго предсѣдателя Совѣта, протоіерея А. П. Дулебова, произнесенной предъ гробомъ покойнаго. Посему, не останавливаясь на частностихъ, мы коснемся только главнаго и существеннаго, характеризующаго дѣятельность покойнаго въ этой области.

Въ качествѣ дѣятеля по церковно-школьному образованію П. Д-чъ выступилъ съ самаго начала введенія въ дѣйствіе въ Тобольской епархіи Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 г. правилъ о церковно-приходскихъ школахъ. Утвержденный 20 ноября 1884 г. предсѣдателемъ Тобольскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, П. Д-чъ затѣмъ несъ эту должность въ теченіе болѣе 20 лѣтъ, оставивъ ее

*). См. № 4 „Тобольск. Епархіальн. Вѣдом.“ за 1910 г.

только послѣ выхода въ отставку въ 1905 г. Со вступленіемъ его въ эту должность предъ нимъ открылось важное, сложное и отвѣтственное по размѣрамъ и задачамъ дѣло, потребовавшее отъ него усиленныхъ заботъ, напряженной работы. Покойному много пришлось потрудиться для организаціи дѣятельности и самого Епархіальнаго училищнаго Совѣта и его внутреннихъ распоряжковъ, по открытію въ епархіи церковныхъ школъ, по изысканію для нихъ матеріальныхъ средствъ въ дѣлѣ постановки учебной части въ нихъ, по выработкѣ руководственныхъ инструкцій для завѣдующихъ школами священниковъ, въ подъезкиваніи для школъ надлежаще подготовленныхъ учителей, въ устройствѣ для послѣднихъ педагогическихъ краткосрочныхъ курсовъ, въ установленіи контроля надъ дѣломъ школьнаго образованія въ епархіи и пр и пр. Нужно имѣть при этомъ въ виду, что въ своей дѣятельности по должности предсѣдателя Епарх. Учил. Совѣта П. Д-чъ долженъ былъ примѣнять къ дѣлу не готовые шаблоны, идти не по проторенному уже пути. Онъ долженъ былъ организовать громадное дѣло заново, примѣнять къ дѣлу способы и средства, являшіеся иногда въ практикѣ церковно-школьнаго образованія опытами, первыми не въ Сибири только, но и въ Россіи вообще. Такъ, напр., по инициативѣ П. Д-ча и его ближайшемъ участіи были устроены въ 1889 г. первые въ Сибири педагогическіе краткосрочные курсы въ г. Ялуторовскѣ для учителей и учительницъ церковныхъ школъ. Съ этого времени подобнаго рода курсы вошли въ практику Тобольской епархіи, какъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ педагогической подготовкѣ неопытныхъ учителей и къ ознакомленію уже опытныхъ дѣятелей школы съ новѣйшими педагогическими пріемами. По инициативѣ же и представленію П. Д-ча была учреждена въ Тобольской епархіи для ревизіи церковныхъ школъ первая не только въ Сибири, но и во всей Россійской имперіи должность наблюдателя сихъ школъ, составлена для него инструкція, найдены на содержаніе ея мѣстные средства. Насколько практичнымъ и важнымъ оказался этотъ институтъ, показываетъ фактъ учрежденія внослѣдствіи должности епархіальнаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ, какъ штатной, во всѣхъ епархіяхъ. Результатомъ дѣятельности П. Д-ча по должности предсѣдателя Епарх. Училищ. Совѣта явилась прекрасная постановка дѣла церковно-приходскаго образованія въ Тобольской епархіи. Такое

утвержденіе является не шаблонною фразою, а представляется дѣйствительною характеристиккою дѣла, руководителемъ и участникомъ котораго былъ П. Д-чъ. Лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго является тотъ фактъ, что на всероссійской Нижегородской выставѣ 1896 г. Тобольскій Епарх. Учил. Совѣтъ былъ удостоенъ, въ числѣ 3-хъ только таковыхъ Совѣтовъ, за постановку церковно-школьнаго образованія высшей награды.

Исполненіе должности предсѣдателя Совѣта отнимало у П. Д-ча много времени и требовало массу труда. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что въ нѣкоторые періоды года по должности предсѣдателя Совѣта П. Д-чъ долженъ былъ работать болѣе, нежели по исполненію своихъ прямыхъ ректорскихъ обязанностей. Объ этомъ свидѣлствуетъ та громадная масса бумагъ, относящихся къ церковно-школьному дѣлу, которая проходила чрезъ его руки, какъ предсѣдателя Совѣта. При обычномъ добросовѣстномъ отношеніи П. Д-ча къ дѣлу, каждая такая бумага вызвала съ его стороны письменныя указанія и распоряженія своимъ соработникамъ, всякія выходявшія отъ Совѣта бумаги проходили его редакцію и корректуру.

Наконецъ, для характеристики дѣятельности П. Д-ча по званію предсѣдателя Епарх. Учил. Совѣта должно сказать, что свои многосложныя обязанности по этой должности онъ исполнялъ *безмездно*. Несомнѣнно, что въ другомъ вѣдомствѣ исполненіе подобнаго сложнаго и важнаго дѣла соединено было бы съ особою самостоятельною должностію, вознаграждавшеюся большимъ складомъ жалованья; при главномъ дѣятелѣ были бы помощники и канцелярія. П. же Д-чъ велъ важное и отвѣтственное дѣло, беззавѣтно трудясь надъ нимъ, съ двумя своими соработниками, составлявшими весь штатъ его канцеляріи, получавшими за свой трудъ самое скромное вознагражденіе.

Другимъ важнымъ дѣломъ, которое многимъ обязано П. Д-чу и долгое время имъ направлялось, является открытіе мѣстнаго епархіальнаго органа печати и затѣмъ десятилѣтнее редактированіе его. Самый вопросъ объ изданіи „Тобольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ былъ поднятъ П. Д-мъ. Ходатайство его, поддержанное тогдашнимъ Тобольскимъ преосвященнымъ Василюемъ, увѣнчалось успѣхомъ: въ 1881 г. послѣдовало разрѣшеніе Св. Синода на изданіе „Вѣдомостей“ и сиподальнымъ указомъ отъ 29 іюня того же года редакторомъ ихъ былъ

утвержденъ П. Д-чъ, а въ январь 1882 г., подъ редакціей его, вышелъ первый № „Вѣдомостей“.

Много труда, силъ и времени употребилъ П. Д-чъ на первоначальную организацію дѣла изданія „Вѣдомостей“ и затѣмъ на дальнѣйшее веденіе и редактированіе ихъ. Самое печатаніе „Вѣдомостей“ въ первое время выхода ихъ въ свѣтъ сопровождалось трудностями и препятствіями чисто мѣстнаго свойства. Въ Tobольскѣ тогда существовала только одна, сравнительно благоустроенная казенная типографія при Губ. Управленіи. Но она, заваленная своими казенными работами и частными заказами, не могла взять на себя печатаніе „Вѣдомостей“. Посему П. Д-чу пришлось въ этомъ случаѣ обратиться въ услуги частной типографіи, представлявшей какое-то кустарное заведеніе, печатавшее доселѣ, кажется, однѣ только визитныя карточки и различныя объявленія. Для типографіи этой печатаніе „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ соединено было съ большими техническими трудностями. Редакторъ долженъ былъ считаться съ этими трудностями, до недостатка шрифта включительно, соображая часто составъ номера „Вѣдомостей“ со средствами типографіи. Вѣстѣ съ симъ, онъ долженъ былъ вникать во всѣ мелочи печатанія, являясь и метранпажемъ, корректоромъ и даже, иногда, наборщикомъ.

Съ обычною своею добросовѣстностію, горячностію и жаромъ велъ П. Д-чъ дѣло редактированія „Вѣдомостей“. Намъ доселѣ припоминается полемическая статья покойнаго, помѣщенная въ одномъ изъ первыхъ номеровъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, противъ тогдашняго „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, холодно-насмѣшливо и нѣсколько презрительно встрѣтившаго выходъ перваго номера Tobольскаго епархіальнаго органа. Горячо и страстно защищая свое дѣтище, П. Д-чъ доказывалъ въ своей статьѣ, что Епархіальныя Вѣдомости совершаютъ свое небольшое, но полезное дѣло, что они заслуживаютъ не насмѣшки и презрѣнія, а поддержки и одобренія со стороны всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ просвѣщеніемъ духовенства, выясненіемъ епархіальныхъ нуждъ, церковной исторіей мѣстнаго края и пр.

Будучи редакторомъ „Епарх. Вѣдомостей“, П. Д-чъ являлся и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ своего изданія. Онъ помѣстилъ въ нихъ массу статей характера публицистическаго, богословскаго, проповѣдническаго, церковно-историческаго и пр. Самъ горячо

интересуясь дѣломъ, П. Д-чъ сумѣлъ заинтересовать въ немъ и своихъ сослуживцевъ-учителей семинаріи и привлечь ихъ къ сотрудничеству въ „Вѣдомостяхъ“. Многіе изъ преподавателей семинаріи, во время редакторства П. Д-ча, помѣстили на страницахъ „Вѣдомостей“ не мало церковно-историческихъ трудовъ, имѣющихъ важное значеніе въ исторіи мѣстнаго края и основанныхъ на архивныхъ изысканіяхъ; Изъ этихъ сотрудниковъ „Вѣдомостей“ П. Д-чъ съ благодарностію вспоминалъ доселѣ здравствующихъ, но давно уже оставившихъ Тобольскъ,—И. Я. Сырцова и В. Д. Сергѣева и покойныхъ инспектора семинаріи И. П. Ксенофонта и преподавателей—П. Е. Самуилова, Л. В. Знаменскаго, А. К. Недосѣкова и др.

Кромѣ своихъ сослуживцевъ П. Д-чъ привлекъ къ дѣлу сотрудничества въ „Вѣдомостяхъ“ и постороннихъ семинаріи лицъ. О такого рода стараніяхъ П. Д-ча свидѣтельствуетъ между прочимъ переписка его съ извѣстнымъ труженникомъ по церковной исторіи Сибири, протоіереемъ А. Сулоцкимъ,—переписка, часть которой находится въ нашихъ рукахъ. Въ числѣ сотрудниковъ „Вѣдомостей“ оказывались часто низшіе члены епархіальныхъ причтовъ и даже крестьяне. П. Д-чъ съ удовольствіемъ принималъ написанныя ими, часто малограмотныя, статьи, если онѣ по предмету своему оказывались интересными, самъ литературно обрабатывалъ ихъ, помѣщалъ ихъ на страницахъ „Вѣдомостей“ и поощрялъ авторовъ къ дальнѣйшему литературному труду.

Считая изданіе „Вѣдомостей“ важнымъ просвѣтительнымъ и научнымъ дѣломъ, П. Д-чъ не старался извлечь изъ своего редакторства какія либо матеріальныя выгоды. По мѣрѣ ограниченныхъ средствъ редакціи, онъ вознаграждалъ своихъ сотрудниковъ, даже въ томъ случаѣ, когда они сами не только не требовали гонорара за свои статьи, но считали сотрудничество въ „Вѣдомостяхъ“ бесплатнымъ. Характерное въ этомъ отношеніи указаніе мы находимъ въ письмѣ къ П. Д-чу протоіерея Сулцкаго отъ 14 января 1884 г. „Гонорарій“ говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, приложенный къ Вашему письму, удивилъ и изумилъ меня: 1., средства Вашего журнала маленькія, 2., напечатанныхъ въ немъ моихъ статей немного, да и тѣ все или почти все перепечатки, а 3., главное, что я никогда не былъ подобнымъ образомъ балуемъ г. г. редакторами журналовъ и газетъ, хотя инымъ изъ нихъ (напр. редакторамъ Тоб. Губ. Вѣдомостей, Читеній въ Общ. Ист. и Др.

Росс., Душ. Чт., Волог. Еп. Вѣд., Р. Старины, Р. Архива и особенно Ирк. Епарх. Вѣдомостей, а и еще того больше Странника—(при прежней редакціи) мною были пересланы чуть не цѣлыя возы статей. Одинъ только прот. Гречулевичъ, и то почти въ началѣ моего сотрудничества въ его журналъ (въ 1862 г.), даромъ напечаталъ въ своей типографіи мою книгу: „Многочтимыя иконы по Тоб. епархіи, а отчасти и по всей Сибири“, а послѣ и этотъ отецъ (теперь архіерей) до того скряжничалъ, что долго журнала-то своего мнѣ бесплатно не высылалъ. А Вы, а Вы что это сдѣлали! “

Десять лѣтъ состоялъ П. Д-чъ редакторомъ „Тобольскихъ Еп. Вѣдомостей“. Съ теченіемъ времени трудности по печатанію „Вѣдомостей“ были устранены. Съ открытіемъ въ Тобольскѣ хорошо оборудованной типографіи при Епархіальномъ Братствѣ, сюда передано было печатаніе „Вѣдомостей“, явился особый корректоръ ихъ, редактору не приходилось уже вникать во всѣ мелочи печатанія органа. Къ 1891 г. П. Д-чъ передалъ редакторство „Вѣдомостей“ другому лицу, какъ дѣло уже прочно поставленное, получившее опредѣленную организацію, — дѣло, которое безъ особенныхъ трудовъ оставалось продолжать его преемнику. Но, несомнѣнно, что въ исторіи Сибирской печати, въ разработкѣ многихъ вопросовъ мѣстной жизни имя П. Д-ча должно занять почетное мѣсто, какъ человѣка, по инициативѣ котораго послѣдовало самое открытіе мѣстнаго епархіальнаго органа, и какъ перваго редактора его, много, въ теченіе 10-ти лѣтъ, потрудившагося по организаціи и надлежащей постановкѣ этого новаго для Тобольской епархіи дѣла.

Затѣмъ, существующее въ Тобольскѣ Епархіальное Братство Св. Димитрія Солунскаго также должно помнить заслуги по отношенію къ нему П. Д-ча. Покойный принималъ самое дѣятельное участіе въ разработкѣ самаго устава Братства. Съ открытіемъ же Братства, П. Д-чъ былъ постояннымъ членомъ его, — не номинально числившимся въ составѣ Братства, а членомъ дѣятельнымъ, сотрудникомъ, оказывавшимъ возможное содѣйствіе его просвѣтительнымъ задачамъ. Содѣйствіе это выражалось, прежде всего, въ составленіи П. Д-мъ издаваемыхъ Братствомъ брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія, которыя массами безмездно раздавались по церквамъ епархіи. Кромѣ сего, онъ участвовалъ въ религіозно-нравственныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ Братствомъ,

по званію предсѣдателя Епархіального училищнаго Совѣта содѣйствоваль школьно-просвѣтительнымъ задачамъ Братства и пр.

Отмѣтимъ далѣе, что П. Д-чъ болѣе шести лѣтъ (съ 17 декабря 1891 г. по 1 февраля 1898 г.) исправлялъ должность настоятеля Тобольскаго Знаменскаго монастыря.

Этотъ фактъ управленія *монастыремъ* ректоромъ семинаріи (хотя и *большымъ* священникомъ) находился въ полномъ соотвѣтствіи съ прошлымъ Тобольской семинаріи, которая долгое время находилась въ помѣщеніяхъ Знаменскаго монастыря, ютась вмѣстѣ съ иноками его, раздѣляя съ ними и помѣщеніе, и скудное пропитаніе. Мысль эту П. Д-чъ прекрасно выразилъ въ своемъ словѣ, произнесенномъ въ день поминовенія (20 сентября 1893 г.) усопшихъ Тобольскихъ архипастырей, начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ, по случаю исполнившагося 150-лѣтія Тобольской духовной семинаріи. „Блаженъ твой инокъ, — говорилъ проповѣдникъ, обращаясь къ обители, пріютившей, возлелѣвавшей и воскормившей семинарію, — кто бы онъ ни былъ, дѣлившій свой укрухъ хлѣба съ бѣднымъ сиротой — сыномъ духовной науки сего питомника. Не въ обширныхъ палатахъ ютились вы вмѣстѣ; однако ни огонь, ни вода не разлучали васъ... Любовь чистая, возвышенная, истинно-христіанская соединяла васъ и заставляла забывать взаимное утѣшеніе, распространяя его въ широту духовную. Самъ одинокій, ты, святой инокъ, не чувствовалъ этого одиночества вблизи дитяти, проходившаго школу ученія. Ты помогаль, ободряль и укрѣпляль его своею молитвою, видѣль въ немъ духовное свое чадо, самимъ небомъ посланное тебѣ въ христіанскій твой подвигъ служенія человечеству, во имя евангельской заповѣди и во исполненіе твоего иноческаго обѣта!“

Считая призваніемъ монастыря возможную съ его стороны матеріальную помощь ютившейся около него семинаріи и вообще благотворительную дѣятельность, П. Д-чъ, по званію настоятеля, бесплатно предоставлялъ монастырскія помѣщенія образцовой школѣ при семинаріи, остяцкому инородческому пансіону при этой школѣ, бесплатной чайной, устроенной для бѣдныхъ въ холерный 1892 г., и пр.

Вступивъ въ управленіе монастыремъ, П. Д-чъ нашель въ казнь его только 13 руб.; равнымъ образомъ и текущіе доходы монастыря были крайне ограничены. Между тѣмъ при этихъ скудныхъ средствахъ,

которыми располагалъ монастырь, выдвинулся вопросъ, осуществленіе котораго требовало большихъ денегъ. Именно, главный монастырскій храмъ, во имя Преображенія Господня, одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ Тобольска, дошелъ до такого состоянія, что въ немъ было уже небезопасно совершать богослуженіе. Комиссія, производившая освидѣтельствованіе его, пришла къ выводу, что храмъ грозитъ катастрофой моментальнаго разрушенія. Не смотря на полное отсутствіе денежныхъ средствъ у монастыря, П. Д-чъ рѣшился поднять вопросъ о разрушеніи Спаса-Преображенскаго храма, въ надеждѣ, что найдутся благотворители, которые своими пожертвованіями придуть на помощь монастырю въ дѣлѣ возсозданія храма. И эта надежда не обманула П. Д-ча. Намѣстѣ разрушеннаго красуется теперь новый благолѣпный храмъ, созданный на деньги, собранныя благочестивыми жертвователями. Впрочемъ, дѣло это было закончено уже послѣ оставленія П. Д-мъ должности настоятеля монастыря.

Въ своихъ отношеніяхъ къ братіи монастыря П. Д-чъ всегда являлся настоятелемъ заботливымъ о нуждахъ своихъ подчиненныхъ, снисходительнымъ къ слабостямъ человѣческимъ.

Въ послѣдніе годы своей семинарской службы П. Д-чъ принялъ дѣятельное участіе въ открытой при Епархіальномъ Братствѣ архивной комиссіи, поставившей своею цѣлю разработку мѣстныхъ, по преимуществу церковныхъ архивовъ. Избранный 18 мая 1903 г. первымъ предсѣдателемъ этой комиссіи, онъ сумѣлъ многихъ заинтересовать поставленными ему задачами и цѣлями и привлечь ихъ къ архивнымъ работамъ. Самъ П. Д-чъ на первыхъ порахъ послѣ открытія комиссіи въ собраніи членовъ ея сдѣлалъ нѣсколько докладовъ, основанныхъ на архивныхъ документахъ, и высказывалъ свое намѣреніе серьезно заняться этимъ дѣломъ. Но послѣдовавшій вскорѣ за симъ уходъ его въ отставку и болѣзни, омрачившія закатъ его жизни, помѣшали ему осуществить свое намѣреніе.

Упомянемъ, наконецъ, что П. Д-чъ состоялъ членомъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, Общества Краснаго Креста и Императорскаго Палестинскаго Общества. Въ 1881 г. онъ былъ избранъ членомъ Тобольскаго губернскаго статистическаго комитета, въ 1885 г. Высочайше утвержденъ въ званіи директора Тобольскаго тюремнаго комитета, состоялъ членомъ Тобольскаго музея.

Такова многообразная и плодотворная дѣятельность П. Д-ча, таковъ жизненный путь, пройденный имъ на служеніи церкви и обществу. Выѣшнею оцѣнкою дѣятельности покойнаго являются слѣдующія награды, полученныя имъ въ теченіе своей многолѣтней службы. 2 марта 1875 г. онъ былъ награжденъ набедренникомъ, 26 марта 1877 г. бархатною фіолетовою скуфьею, 26 іюня того же года (по должности ректора семинаріи) возведенъ въ санъ протоіерея, 20 марта 1880 г. награжденъ камилавкою, 20 марта 1884 г. золотымъ наперснымъ крестомъ, 25 сентября 1885 г. удостоенъ знака общества краснаго креста, 5 марта 1887 г. сопричисленъ къ ордену св. Анны 3 степени, 1 мая 1890 г. за труды по званію предсѣдателя Епархіальнаго Училищнаго Совѣта преподано благословеніе Св. Синода, 15 мая 1891 г. сопричисленъ къ ордену св. Анны 2 степени, 6 мая 1895 г. сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 4 степени, 20 декабря 1896 г. за 12-лѣтніе труды по должности предсѣдателя Тобольскаго Епарх. Училищнаго Совѣта получилъ денежную награду въ количествѣ 500 рублей и 6 мая 1901 г. сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 3 степени.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Бирюковъ.

Протоіерей П. Д. Головинъ *).

Несомнѣнно, что официанальныя данныя о пройденномъ П Д—мъ служебномъ поприщѣ не даютъ полной характеристики его. Личность покойнаго въ умахъ его сослуживцевъ, учениковъ и вообще всѣхъ, близко соприкасавшихся съ нимъ, является окруженною ореоломъ въ виду необычайныхъ свойствъ его характера, исключительныхъ особенностей всего его душевнаго склада. Насколько необычнымъ и нешаблоннымъ являлся съ этой стороны характеръ П. Д—ча, показываетъ фактъ

*) См. № 6 „Тобольск. Епархіальн. Вѣдом.“ за 1910 г.

существованія цѣлаго цикла сказаній, которыми еще при жизни покойнаго была окружена его личность. Сказанія эти, носящія иногда характеръ легендъ, неизмѣнно рисуютъ П. Д—ча человѣкомъ, мало отвѣчающимъ обычному типу начальника, въ большинствѣ случаевъ официально сухого, холоднаго и мало доступнаго, представляя его человѣкомъ исключительной душевной доброты, крайне оригинальнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, поступкахъ и отношеніяхъ къ людямъ. Дѣйствительно, характеръ П. Д—ча представляется столь многограннымъ и разностороннимъ, что трудно исчерпывающе и во всей полнотѣ нарисовать его. Считая, однако, что шестилѣтнее пребываніе подъ фѣрулою П. Д—ча въ качествѣ ученика, 17-лѣтняя совмѣстная служба съ нимъ въ званіи преподавателя, 10-лѣтнее исполненіе при немъ должности секретаря семинарскаго правленія, наконецъ, постоянное близкое общеніе съ нимъ въ послѣдніе годы его жизни могутъ, кажется, вполне замѣнить тотъ пудъ соли, который, по пословицѣ, нужно съѣсть, чтобы узнать человѣка,—мы рѣшаемся представить характеристику покойнаго. Но при этомъ мы не думаемъ, что характеристика наша будетъ слишкомъ субъективною, потому что въ бесѣдахъ со многими бывшими учениками и сослуживцами П. Д—ча намъ нерѣдко приходилось провѣрять свои взгляды на характеръ покойнаго, свои впечатлѣнія отъ личности его, производить оцѣнку его отношеній къ людямъ и при подобнаго рода бесѣдахъ разеясилъ въ характеристикѣ П. Д—ча не было.

Какъ сейчасъ, представляю себѣ тотъ моментъ, когда въ августѣ 1877 г., по окончаніи курса духовнаго училища, я, пристрашезъ и притрепетевъ, предсталъ на пріемныя экзамены для поступленія въ семинарію предъ П. Д—мъ, только что вступившимъ въ должность ректора Тобольской семинаріи. При этомъ первомъ знакомствѣ новый ректоръ показался страшнымъ и грознымъ: при неудачныхъ отвѣтахъ экзаменованныхъ онъ сильно возмущался, горячился, выходилъ изъ себя. Но здѣсь же, на тѣхъ же пріемныхъ экзаменахъ, за этими грозными свойствами характера новаго ректора можно было почувствовать ту душевную доброту, ту снисходительность, которыми отличались его всегдашнія отношенія къ людямъ и къ воспитанникамъ въ частности. Это особенно обнаруживалось въ оцѣнѣ баллами отвѣтовъ учениковъ. Тотъ самый ректоръ, который особенно горячился по поводу неудач-

ныхъ отвѣтовъ экзаменовавшихся, оказывался болѣе снисходительнымъ въ оцѣнкѣ познаній ученика, сравнительно съ другими экзаменаторами, холодно и равнодушно производившими дѣло экзаменныхъ испытаній, математически взвѣшивавшими знанія учениковъ, не считаясь съ ихъ напряженнымъ душевнымъ состояніемъ, съ тѣмъ, какъ велось дѣло преподаванія въ училищѣ и пр. Такимъ образомъ, первое же официальное выступленіе новаго ректора предъ учениками свидѣтельствовало уже о томъ, что за грозными проявленіями его характера скрывается человѣкъ доброй души и снисходительный.

Вообще нужно сказать, что у П. Д—ча никогда не было привычки *рѣзать* ученика на экзаменѣ. Благожелательный и снисходительный, онъ давалъ ученику все средства, чтобы избѣжать тѣ подводные камни, которые встрѣчаются ученикамъ на экзаменахъ, и ставилъ неудовлетворительный баллъ за отвѣтъ только въ исключительныхъ случаяхъ, и то, обычно, по настоянію ассиссентовъ. Нерѣдко бывало на экзаменахъ, что ректоръ, по своей горячности и спыльчивости по поводу плохого отвѣта ученика, положительно выходилъ изъ себя, раздражался такимъ градомъ страшныхъ словъ и угрозъ, что весь классъ, что называется, замиралъ. Виновникъ гнѣва ректора, прогнанный отъ экзаменаціоннаго стола, угнетенный, какъ опущенный въ воду, садился за парту. Но проходило нѣсколько минутъ, ректоръ успокаивался, приходилъ въ себя и, обращаясь къ прогнанному воспитанику, говорилъ, чтобы онъ просматривалъ на мѣстѣ плохо выученное изъ курса, готовился къ отвѣту, для котораго его еще вызовутъ къ экзаменаціонному столу. Дѣйствительно, въ концѣ экзамена воспитаникъ вновь вызывался, ректоръ уже съ благодушіемъ относился къ его отвѣтамъ и оцѣнивалъ познанія его удовлетворительнымъ балломъ. При подобнаго рода нерѣдкихъ вспышкахъ горячаго темперамента П. Д—ча достаточно было какого-нибудь пустяка, чтобы ректоръ быстро остывалъ, горячность и спыльчивость его смѣнялась благодушіемъ. По поводу сказаннаго намъ вспоминается такой курьезный фактъ. На экзаменѣ въ одномъ изъ послѣднихъ классовъ по догматическому богословію ректоръ вспылилъ на отвѣчавшаго воспитаника и отправилъ его на мѣсто, сказавъ, чтобы онъ просматривалъ по учебнику не выученное и въ концѣ экзамена снова выходилъ для отвѣта. Ученикъ, покопавшись что-то въ партѣ, скоро вышелъ изъ залы, гдѣ производился экзаменъ,

и возвратился обратно сюда чрез довольно значительный промежутокъ времени. Возвратившагося ученика ректоръ встрѣтилъ цѣлымъ залпомъ грозныхъ словъ и гнѣвныхъ упрековъ за невнимательность, небрежность, невѣжливость и, наконецъ, поставилъ вопросъ, — зачѣмъ онъ уходилъ изъ зала? — „Я искалъ *большую Макарію*“, съ самымъ серьезнымъ видомъ отвѣтилъ ученикъ, такое странное названіе усвоившій полному курсу догматическаго богословія митрополита Макарія. Отвѣтъ этотъ, вызвавшій улыбки у всѣхъ присутствующихъ, совсѣмъ развеселилъ ректора. „Ну, отвѣтъ хорошо хоть по маленькой Макаріи и то ладно будетъ“, — сказалъ онъ шутливо ученику и затѣмъ подъ благодушнымъ руководствомъ ректора пошелъ дальнѣйшій экзаменъ, въ концѣ котораго появился у экзаменаціоннаго стола и воспитанникъ, искавшій большую Макарію, и получилъ вожделѣнную для него тройку.

Сказанное, кажется, даетъ намъ право утверждать, что П. Д.—чѣ являлся характернѣйшимъ сангвиникомъ, способнымъ быстро воспламеняться, вспыхивать, какъ порохъ, и затѣмъ быстро остывать. Какъ обычно бываетъ у подобнаго рода сангвиниковъ, благодушіе всегда брало у него верхъ надъ проявленіями гнѣва. Ученики хорошо знали, что за гнѣвными вспышками ректорскаго сердца слѣдовала реакція, что послѣ грозныхъ проявленій его темперамента всегда обнаруживалось его обычное благодушіе, благожелательность и снисходительность, являвшіяся основными чертами его характера. Примѣняя къ характеристикѣ покойнаго библейскіе образы, можно сказать, что не *въ духъ, трусь и огни*, а именно *во мечь хлада тонка*, проявлялся истинный душевный складъ П. Д.—ча.

Таковымъ же являлся покойный и въ тѣхъ случаяхъ, когда воспитанникъ обращался къ нему съ просьбою объ удовлетвореніи той или другой своей нужды. Интересны въ этомъ отношеніи такіе факты, обычные въ ученической жизни. Казеннокоштный воспитанникъ являлся къ ректору и, указывая на свои износившіеся брюки, просилъ о выдачѣ новыхъ. Но проситель попадалъ предъ очи П. Д.—ча не въ добрый часъ. Ректоръ, какъ орелъ, налеталъ на воспитанника, осыпалъ его гнѣвными упреками, выяснялъ, что онъ не умѣетъ бережно относиться къ казенной одеждѣ, указывалъ, что все положенное отъ казны воспитанникъ получилъ, что никакихъ средствъ къ выдачѣ чего-либо сверхъ положеннаго комплекта казенныхъ вещей семинарія не имѣетъ, что можно изумляться, что

какъ человѣкъ рѣшается просить то, на полученіе чего онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права. Иногда рѣчь ректора оканчивалась такимъ аккордомъ гнѣвныхъ словъ, что постороннему человѣку вчужѣ становилось страшно. Но проситель уходилъ съ ректора въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа и въ твердой увѣренности, что брюки будутъ выданы, ибо воспитанники, хорошо изучившіе П. Д—ча, знали, что чѣмъ блѣе ректоръ наговоритъ непріятнаго ученику, тѣмъ скорѣе послѣдній можетъ рассчитывать на удовлетвореніе своей просьбы. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени ректоръ требуетъ ученика къ себѣ, путемъ распросовъ выясняетъ, что по своему сиротству и неимѣнію средствъ ученикъ не въ состояніи завести себѣ брюкъ, подвергался обстоятельному изслѣдованію и самыя злосчастныя брюки, при чемъ ректоръ соглашался, что носить такіе брюки солидному семинаристу неприлично. При этомъ изслѣдованіи ректоръ обращалъ вниманіе и на сапоги просителя, которые оказывались также требующими или основательнаго ремонта, или даже замѣны ихъ новыми. Результатомъ подобнаго рода распросовъ и изслѣдованій являлось распоряженіе ректора о выдачѣ ученику не просимыхъ только брюкъ, но и сапогъ.

Можно сказать, что всякая просьба ученика, обращенная къ П. Д—чу, о матеріальной помощи никогда не встрѣчала отказа. Онъ оказывалъ эту помощь или изъ семинарскихъ суммъ, или, по его хадататайству, просителю давалась заимообразная ссуда изъ семинарской ученической или наставнической кассы,—въ послѣднемъ случаѣ обычно подъ его поручительство. Очень часто, когда просителемъ оказывался воспитанникъ, уже уволенный изъ семинаріи, которому оказывать пособіе изъ семинарскихъ суммъ было неудобно, кредиторомъ его являлся самъ П. Д—чъ. При этомъ, какъ обычно водится, должникъ обѣщался уплатить свой долгъ „въ самомъ непродолжительномъ времени“, „при первой возможности“ и, конечно, это непродолжительное время растягивалось на длинный рядъ лѣтъ, первая возможность уплаты долга не наступала и тогда, когда должникъ занималъ уже сравнительно обезпеченное мѣсто. Такимъ образомъ П. Д—чъ и сошелъ въ могилу, обремененный благодарными чувствами этихъ многочисленныхъ должниковъ, ничтоже вѣзъ отъ нихъ. Въ этомъ случаѣ проявлялась новая характерная особенность душевнаго склада покойнаго—совершенная нестяжательное и удивительное безкорыстіе. Щедрою рукою оказывая свою помощь

нуждающимся, П. Д.—чь зналъ, что должникъ, влѣтвенно завѣрившій о скорой уплатѣ своего долга, скоро забудетъ о немъ. Однако это нисколько не разочаровывало покойнаго въ людяхъ, — всегда, до послѣднихъ дней семинарской службы, онъ считалъ долгомъ изъ своихъ скудныхъ достатковъ оказывать матеріальную помощь нуждающимся воспитанникамъ, не удивляясь человѣческой забывчивости и не ограничивая размѣровъ своей благотворительности.

Однако бывшіе ученики свято чтятъ память П. Д.—ча не за эти проявленія его благожелательности, снисходительности и готовности придти на помощь нуждающемуся. Нѣтъ, память покойнаго особенно дорога для нихъ, какъ начальника, по заступничеству и ходатайству котораго многіе изъ нихъ и могли только окончить семинарскій курсъ и сдѣлаться полезными членами общества и дѣятелями на церковномъ и государственномъ поприщѣ.

Нисколько не преувеличивая, должно сказать, что всегда, когда на педагогическихъ собраніяхъ семинарскаго правленія возбуждался вопросъ объ увольненіи воспитанника изъ семинаріи по неблагоповеденію, П. Д.—чь являлся первымъ заступникомъ и ходатаемъ за него. Послѣ доклада инспекціи о проступкѣ воспитанника, обычно холодно и оффиціально излагавшаго дѣла, когда поднимался вопросъ о возмездіи виновному и мнѣнія членовъ правленія начинали клониться къ увольненію его изъ семинаріи, — выступалъ со своей защитой ректоръ. Въ своихъ разсужденіяхъ онъ указывалъ на переходный возрастъ воспитанника, которымъ объясняются эксцессы въ его поведеніи, на важное вліяніе наслѣдственности, на возможное вредное вліяніе на ученика товарищей и вообще приводилъ всякаго рода аргументы, извиняющіе и смягчающіе проступокъ виновнаго. Такъ какъ аргументы ректора всегда въ подобныхъ случаяхъ оказывались одинаковыми, то члены семинарскаго правленія обычно встрѣчали ихъ съ улыбками, иные отосились къ нимъ, какъ къ громкимъ фразамъ, не имѣющимъ подъ собою почвы, нѣкоторые, наконецъ, считали подобное отношеніе къ проступкамъ ученика вреднымъ въ педагогическомъ отношеніи послабленіемъ. Но вмѣстѣ съ симъ, въ виду горячей защиты ректора, виновный не подвергался увольненію изъ семинаріи и получалъ возможность продолжать семинарское образованіе. Ректоръ призываетъ къ себѣ виновника всего этого, распаляется противъ него такъ, какъ только онъ умѣлъ распаляться,

объявляет постановленіе правленія и заключаетъ свои слова вразумленіемъ, что теперь ученику, попавшему на особое замѣчаніе, нужно вести себя съ особенною осторожностію, что новый случай неблагоповеденія уже непремѣнно повлечетъ за собой увольненіе изъ семинаріи. Но проходило нѣсколько времени и педагогическому правленію семинарскаго правленія приходилось заслушивать донесеніе о новомъ проступкѣ того же ученика. Ректоръ, конечно, былъ уже ранѣе освѣдомленъ объ этомъ проступкѣ, онъ успѣлъ уже призвать ученика къ себѣ, обрушить на его голову громъ и молнію, выяснить ему, что теперь все кончено, ничего извиняющаго его проступка нѣтъ, что ученикъ долженъ готовиться къ увольненію изъ семинаріи. Но наступаетъ засѣданіе педагогическаго собранія семинарскаго правленія и когда для членовъ его вопросъ казался уже совершенно яснымъ и такъ сказать предрѣшеннымъ, — на собраніи вновь раздается защитительный голосъ ректора, опять поднимается обычный арсеналъ всякихъ извиняющихъ аргументовъ, и вновь подъ вліяніемъ ректора воспитанникъ оставляется въ семинаріи. Обычно о виновномъ дѣлалось постановленіе, что правленіе, не пробѣгая по отношенію къ нему къ крайней мѣрѣ взыскація — увольненію изъ семинаріи, находитъ возможнымъ оказать воспитаннику послѣднее снисхожденіе, что онъ оставляется въ учебномъ заведеніи съ предупрежденіемъ о непремѣнномъ увольненіи изъ семинаріи при всякомъ новомъ случаѣ проявленія неблагоповеденія. Однако такое постановленіе часто оставалось только на бумагѣ, ибо въ будущемъ правленію, даже не одинъ разъ, приходилось обсуждать поведеніе этого ученика и снова, подъ вліяніемъ ректора, предупреждать виновнаго о непремѣнномъ увольненіи изъ семинаріи, въ случаѣ дальнѣйшаго его неблагоповеденія...

Нѣкоторые члены семинарскаго правленія относились неодобрительно къ подобнаго рода постановленіямъ правленія, указывая на то, что они роняютъ авторитетъ правленія, что послѣднее является не исполняющимъ своихъ собственныхъ рѣшеній, что воспитанники пріучаются не считаться съ этими рѣшеніями и относиться къ нимъ не съ надлежащимъ уваженіемъ. Не оспаривая сужденій этихъ ригористовъ, отмѣтимъ только, что во всякомъ случаѣ въ отношеніяхъ покойнаго П. Д.—ча къ проступкамъ учениковъ съ особенною ясностію и наглядностію проявлялась его чисто отеческая благожелательность и снисходи-

тельность къ своимъ воспитанникамъ, особенная душевная чуткость, даже боязнь, чтобы скороспѣлымъ постановленіемъ не погубить чело-вѣка, относительно котораго можно надѣяться, что онъ, по окончаніи семинарскаго курса, сдѣлается полезнымъ членомъ общества. И сколько можно указать случаевъ, когда покойный не обманывался въ своихъ надеждахъ!..

Для спасенія учениковъ П. Д.—чѣ прибѣгалъ и къ другимъ средствамъ. Иногда, по обстоятельствамъ дѣла, ректоръ видѣлъ, что при доведеніи проступка ученика до разсмотрѣнія правленія было уже мало надежды на оставленіе его въ семинаріи. Въ такомъ случаѣ, предупреждая официальное обсужденіе проступка ученика, П. Д.—чѣ призывалъ воспитанника, выяснялъ, какъ плохо стоятъ его обстоятель-ства, и совѣтовалъ добровольно оставить семинарію. Слѣдуя совѣту ректора, воспитанникъ дѣйствительно подавалъ прошеніе объ увольне-ніи изъ семинаріи по болѣзни, неимѣнію средствъ къ содержанію, по семейнымъ обстоятельствамъ и вообще по какимъ-нибудь благовиднымъ причинамъ. Ректоръ вносилъ это прошеніе въ правленіе, которое, со-всѣмъ не касаясь проступка воспитанника, не запротоколивая его, уволь-няло ученика изъ семинаріи, согласно прошенію. Выѣстъ съ симъ, ректоръ обыкновенно начиналъ рѣчь о томъ, что школьное поведеніе ученика не является дѣйствительною и правильною характеристикою общаго настроенія ученика, его дѣйствительною благонадежности, что учебное заведеніе не должно мстить воспитаннику за стѣнами школы, не дол-жно плохимъ балломъ, проставляемымъ по поведенію въ увольнитель-тельномъ свидѣтельствѣ, преграждать ему дальнѣйшую жизненную дорогу и пр. Вслѣдствіе этихъ разсужденій ректора воспитанникъ, выходя изъ семинаріи, получалъ въ увольнительномъ свидѣтельствѣ удовлетворительный баллъ по поведенію. Напутствуя такого ученика, ректоръ обыкновенно подавалъ ему совѣтъ, что теперь, выйдя изъ семинаріи съ незамареннымъ поведеніемъ, онъ можетъ, при желаніи, возвратиться въ свою семинарію или продолжать образованіе въ дру-гой семинаріи. И многіе воспитанники дѣйствительно слѣдовали совѣ-тамъ ректора. По прошествіи нѣкотораго времени по выходѣ изъ се-минаріи они подавали прошеніе объ обратномъ пріемѣ въ семинарію. Ректоръ съ самымъ серьезнымъ видомъ требовалъ справокъ о прежнемъ поведеніи ученика, не находилъ въ этихъ справкахъ никакихъ офици-

ціальнихъ данныхъ, которыя характеризовали бы поведеніе его съ дурной стороны, высказывалъ свое мнѣніе о возможности удовлетворить прошеніе, и человекъ вновь дѣлался воспитанникомъ семинаріи.

Въ томъ случаѣ, когда уволенный ученикъ подавалъ прошеніе о принятіи его въ другую семинарію и изъ послѣдней слѣдовалъ запросъ о нравственныхъ качествахъ просителя и о надежности его къ продолженію семинарскаго образованія, П. Д—чъ неизмѣнно давалъ о немъ одобрителный отзывъ, дѣлая такимъ образомъ для него возможнымъ продолжать прерванное образованіе и закончить семинарскій курсъ.

Трудно перечислить, сколько бывшихъ воспитанниковъ П. Д—ча, благодаря его заступничеству и снисходительности, благополучно оканчивали семинарскій курсъ и сдѣлались полезными дѣятелями церкви и общества. Намъ лично приходилось встрѣчать не мало священниковъ, занимающихъ видные посты на епархіальной службѣ, которые высказывали твердое убѣжденіе, что благополучнымъ окончаніемъ семинарскаго курса они исключительно обязаны снисходительности П. Д—ча, который не возводилъ въ криминаль юношескихъ увлеченій, не былъ сухимъ формалистомъ, признающимъ только виѣшнюю формальную правду. Онъ видѣлъ въ человекѣ добрыя задатки, обѣщающіе сдѣлать изъ увлекающагося юноши полезнаго дѣятеля церкви и общества, давалъ ему всѣ средства для исправленія и къ продолженію начатаго образованія и не губилъ его, исключая изъ семинаріи съ волчьимъ билетомъ. Несомнѣнно, что свѣтлый любвеобильный образъ П. Д—ча, запечатлѣнный характеромъ отеческой благожелательности и мудрой снисходительности, въ сердцахъ этихъ бывшихъ учениковъ его навсегда останется неизгладимымъ.

Съ окончаніемъ курса связи П. Д—ча со своими бывшими учениками не прерывались. Многіе изъ нихъ, особенно поступившіе въ высшія учебныя заведенія, вели съ нимъ переписку, обращались къ нему съ различнаго рода запросами и просьбами и получали не только нравственную поддержку и ободреніе, но и денежную помощь. И опять нужно сказать, что эти обращенія къ П. Д—чу часто являлись просьбами о временномъ денежномъ займѣ, который должникъ обѣщался уплатить при первой возможности. Покѣйный, по долговременному жизненному опыту, хорошо зналъ, что означаетъ эта первая возмож-

ность, однако не отказывалъ въ просимой помощи. Онъ не сѣтовалъ, когда должникъ позабывалъ объ этомъ долгѣ. Помня слова ветхозавѣтнаго Законодателя: аще даси заемъ брату, не буди его понуждай, П. Д.—чъ никогда даже не напоминалъ своему дебитору о его долгѣ. Не смотря на это, онъ никогда не зарекался въ оказаніи помощи, при новыхъ просьбахъ онъ опять съ готовностію оказывалъ денежныя пособія нуждающимся изъ своихъ бывшихъ учениковъ.

Еще болѣе тѣсными и сердечными являлись отношенія П. Д.—ча къ тѣмъ изъ его воспитанниковъ, которыхъ судьба поставляла въ служебныя или иныя близкія отношенія къ нему. Я живо помню свою бесѣду по окончаніи академическаго курса съ инспекторомъ Казанской духовной академіи Н. Я. Бѣляевымъ. Покойный пинѣ Н. Я., въ виду предназначенія моего преподавателемъ Тобольской семинаріи, выражалъ сомнѣнія, чтобы я могъ хорошо чувствовать себя въ родной семинаріи, среди прежнихъ начальниковъ и преподавателей своихъ, ибо нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ. Но я съ недоувѣріемъ отнесся къ слова Н. Я.—ча: я надѣялся, что и въ званіи преподавателя Тобольской семинаріи со стороны П. Д.—ча встрѣчу ту ласку и благожелательность, которыми всегда характеризовались его отношенія къ людямъ и своимъ ученикамъ въ частности. Первая же встрѣча съ П. Д.—мъ по окончаніи академическаго курса убѣждала меня въ томъ, что въ лицѣ его я вижу не начальника, а отца и учителя, съ объятіями встрѣчающаго своего сына и ученика и радующагося его успѣхамъ. Всѣ воспитанники покойнаго засвидѣтельствуютъ, что такой именно пріемъ они встрѣчали съ его стороны, когда по окончаніи академическаго курса возвращались на службу въ свою родную семинарію или вообще въ свой отечественный городъ.

Столь же необычными представляются отношенія П. Д.—ча къ своимъ сослуживцамъ и подчиненнымъ, изъ которыхъ многіе, привыкшіе видѣть въ ректорѣ только начальника, положительно поражались тѣми житейскими отношеніями, которыя устанавливались въ Тобольскѣ между П. Д.—мъ и членами семинарской корпораціи. Новый членъ Тобольской семинарской корпораціи, прибывъ на мѣсто своего служенія, облекался въ форму и являлся къ ректору съ официальнымъ представленіемъ. Но здѣсь же, при первомъ представленіи, онъ встрѣчалъ пріемъ, совершенно чуждый сухого формализма и внѣшней официаль-

ности. Ректоръ встрѣчалъ его, въ буквальномъ смыслѣ, объятіями, принималъ его, какъ члена тѣсной, объединенной общины интересами семинарской семьи, посвящалъ его во все тайны семинарской жизни, прилагалъ все усилія, чтобы лучше устроить новаго сослуживца въ матеріальномъ отношеніи. Эти душевныя свойства П. Д—ча, искренность, необычайное радушіе, широкая доброта сразу устанавливали въ глазахъ новаго члена семинарской корпораціи репутацію ректора, какъ начальника и человѣка, совершенно чуждаго формализма и готоваго къ каждому изъ своихъ подчиненныхъ придти на помощь во всехъ его духовныхъ и матеріальныхъ нуждахъ.

Это первое впечатлѣніе, которое выносилъ новый сослуживецъ о. П. Д—чѣ, подтверждалось въ дальнѣйшемъ всегдашними чисто товарищескими отношеніями ректора къ своимъ подчиненнымъ,—отношеніями, чуждыми всякой официальнойности и боязни уронить свой начальническій престижъ. Такія отношенія поддерживались затѣмъ широкимъ русскимъ хлѣбосолецтвомъ П. Д—ча. У себя за столомъ и въ гостяхъ у своихъ сослуживцевъ онъ велъ себя чисто по-товарищески. Здѣсь, въ дружной семинарской семьѣ, П. Д—чѣ былъ истиннымъ студентомъ, товарищемъ своихъ сослуживцевъ, среди которыхъ онъ чувствовалъ себя молодымъ, являлся главнымъ руководителемъ бесѣды, въ которой при случаѣ изрекалъ такія крылатыя слова, столь густо и крѣпко посыпанные аттической солью, что они потомъ входили въ пословицы, передаваясь изъ устъ въ уста новыхъ членовъ семинарской корпораціи.

Такія житейскія отношенія отчасти уже опредѣляли официальные служебныя отношенія П. Д—ча къ сослуживцамъ. Считаая семинарскую корпорацію семьей, тѣсно объединенною общими интересами, П. Д—чѣ всемѣрно заботился о томъ, чтобы миръ, тишина и согласіе царили въ этой семьѣ, старался устранивъ всякія поводы къ раздорамъ и несогласіямъ среди своихъ сослуживцевъ, стремился своимъ авторитетомъ устранить между ними всякаго рода конфликты и примирить враждующихъ. Тоже миролюбіе и единодушіе П. Д—чѣ старался внести и въ учебно воспитательное дѣло, которое онъ велъ, стоя во главѣ своихъ сослуживцевъ. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи онъ вполне достигъ своей цѣли. Въ теченіе его ректорства мы не знаемъ случаевъ, когда бы на педагогическихъ собраніяхъ семинар-

скаго правленія происходили раздоры и несогласія, чтобы члены правленія, при рѣшеніи учебно-воспитательныхъ вопросовъ, рѣзко расходились между собою, дѣлились на партіи и стороны, оставшіяся при своихъ „особыхъ мнѣніяхъ“. При этомъ не нужно предполагать, что П. Д—чъ, въ качествѣ предсѣдателя правленія, только слѣдовалъ за большинствомъ, принаравливалъ свои мнѣнія къ мнѣніямъ большинства, что въ интересахъ мира и согласія онъ поступался своими убѣжденіями. Нѣтъ, на педагогическихъ собраніяхъ правленія онъ являлся начальникомъ, твердо высказывавшимъ свои мнѣнія и стойко защищавшимъ ихъ. Это отчасти уже видно изъ того, что мы выше говорили объ отношеніи П. Д—ча къ вопросамъ объ увольненіи воспитанниковъ изъ семинаріи за проступки. Часто, когда поднимался подобнаго рода вопросъ, обнаруживалось, что всѣ члены педагогическаго собранія склоняются къ самой строгой репрессіи по отношенію къ виновному и только ректоръ стоитъ за возможное смягченіе наказанія. И однако своимъ авторитетомъ, своимъ душевнымъ отношеніемъ къ виновному, своими аргументами, часто названными и во всякомъ случаѣ постоянно повторявшимися, онъ какъ-то успѣвалъ склонить собраніе къ единодушному рѣшенію, къ милости и снисхожденію по отношенію къ виновному. Чуждый всякой нетерпимости и исключительности, П. Д—чъ, при всякихъ оффиціальныхъ отношеніяхъ, готовъ былъ выслушать чужое, не согласное со своимъ мнѣніемъ подвергнуть его обсужденію, руководясь тою мыслию, что это столкновеніе мнѣній можетъ только выяснитъ истину и принести пользу для дѣла. Но вмѣстѣ съ симъ, въ извѣстныхъ случаяхъ онъ настойчиво защищалъ свое мнѣніе, умѣлъ настоять на немъ и своихъ сослуживцевъ умѣлъ склонить къ согласію съ собой.

Чисто товарищескими и дружественными отношеніями, установившимися между ректоромъ и членами семинарской корпораціи, авторитетъ П. Д—ча, какъ начальника, не умалялся среди сослуживцевъ, престижъ его ректорской власти не колебался среди нихъ, сослуживцы не считались съ нимъ за панибрата, съ уваженіемъ относились къ нему, его дѣйствіямъ и воззрѣніямъ, какъ начальника. Относившіяся совершенно по-товарищески къ сослуживцамъ внѣ службы, при невнимательномъ отношеніи къ дѣлу, при нарушеніи преподавателемъ своихъ обязанностей, П. Д—мъ не стѣснялся дѣлать ему строгое замѣчаніе

и выговоръ; порой же, по горячности его темперамента, съ устъ его срывалось и рѣзкое слово. Но сослуживцы не оскорблялись этимъ, ибо видѣли, что въ словахъ ректора заключалось не намѣреніе оскорбить подчиненнаго, а его заботливость о лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ семинаріи. Замѣчанія и выговоры ректора показывали только, что за дѣятельностію преподавателей наблюдаетъ любвеобильный, но начальнической глазь, для котораго дорого благоустройство учебнаго заведенія, который считаетъ, что для надлежащаго веденія учебно-воспитательнаго дѣла нужны совмѣстныя закономѣрныя усилія всѣхъ приставленныхъ къ нему лицъ. Вмѣстѣ съ симъ члены семинарской корпораціи видѣли, что тотъ самый ректоръ, который въ извѣстныхъ случаяхъ показывалъ себя строгимъ начальникомъ, сейчасъ же готовъ былъ придти къ своему сослуживцу съ помощью во всякой нуждѣ, оказать ему поддержку не только нравственную, но и помощь матеріальную, что онъ къ интересамъ своихъ сослуживцевъ относится, какъ къ своимъ собственнымъ, жертвуя ради ихъ своимъ временемъ и трудомъ ¹⁾).

Тѣмъ же характеромъ любви, участливости и снисходительности были запечатлѣны отношенія П. Д—ча ко всѣмъ людямъ, особенно ко всякаго рода нуждающимся, обращавшимся къ нему за помощью. Самъ прошедшій суровую школу нужды и бѣдности, П. Д—чъ хорошо понималъ положеніе всякаго бѣдняка и нуждающагося и никогда не отказывалъ въ просимой ими помощи. Трудно перечислить всѣхъ подобнаго рода „нуждающихся“, обращавшихся къ кошельку П. Д—ча. Мы видѣли, напр., что онъ высылалъ, иногда довольно крупныя суммы, вдовѣ своего сослуживца еще по Пермской семинаріи, хотя при этомъ, къ удивленію, изъ разговоровъ съ покойнымъ выяснялось, что вдова эта владѣетъ въ Перми двумя домами. Въ самомъ Tobольскѣ

¹⁾ Между прочимъ памятникомъ заботливости П. Д—ча о матеріальныхъ интересахъ своихъ сослуживцевъ доселѣ остается основанная по его инициативѣ, еще въ первый годъ его семинарской службы, судо-сберегательная касса наставниковъ семинаріи. Касса эта, поставившая своею цѣлію оказывать денежными займами на необременительныхъ условіяхъ помощь нуждающимся наставникамъ и путемъ сбереженій давать служащимъ въ семинаріи и ихъ семействамъ обезпеченіе въ будущемъ, за долгое время своего существованія принесла неисчислимыя услуги ея участникамъ. Въ настоящее время въ кассу эту, въ качествѣ участниковъ ея, вступили служащіе во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Tobольска — семинаріи, мужскаго духовнаго и епархіальнаго женскаго училища, а также служащіе въ Tobольской консисторіи.

около П. Д—ча ютились настоящие пенсионеры, которым покойный ежемѣсячно оказывалъ денежные пособія. Это обычно являлись люди, состоявшіе нѣкогда писцами семинарскаго правленія, служителями семинарін, потерявшими трудоспособность и влачившими свое существованіе только на счетъ подобнаго рода благотворителей. Часто въ передней П. Д—ча можно было видѣть бѣдняковъ, которые обращались къ нему съ просьбой о помощи по случаю крестинъ, вѣнчанія, погребенія и другихъ подобныхъ случаевъ жизни. Наряду съ ними являлся какой-нибудь водовозъ, у котораго околѣла лошадь, дававшая ему средства существованія, или вдова, которая со слезами говорила ему о томъ, что единственная кормилица ея семьи корова пала. Наконецъ, къ П. Д—чу являлись какіе-то неизвѣстные странники, сбившіеся съ пути люди, босяки, представлявшіеся тиличными „бывшими людьми“, которые иногда просили на бѣдность, а иногда, откровеннѣе, „на похмѣлье“. Всѣмъ подобнаго рода просителямъ П. Д—чъ никогда не отказывалъ въ помощи, раскрывая для нихъ свой тощій кошелекъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ серьезной нужды просителей онъ обращался съ подписнымъ листомъ въ пользу бѣдняка къ своимъ сослуживцамъ и знакомымъ и успѣвалъ собрать для него достаточную сумму.

Также отношеніе къ людямъ нуждающимся давно уже составило лестную для П. Д—ча репутацію человѣка необычайно широкой сердечной доброты, совершенно нестяжательнаго и удивительно безкорыстнаго, готоваго придти на помощь къ каждому нуждающемуся. Насколько прочна и распространена была такая репутація, установившаяся за П. Д—мъ, показываетъ слѣдующій трогательный фактъ. Въ канцеляріи семинаріи состоялъ писцомъ еврей Ш., обремененный многочисленнымъ семействомъ. Предъ смертію, оставляя свое многочисленное семейство безъ всякихъ средствъ существованія, этотъ еврей *завѣщалъ* своихъ сиротъ попеченію П. Д—ча. И бѣднякъ не ошибся въ своихъ надеждахъ на доброе сердце П. Д—ча: послѣдній явился дѣйствительнымъ попечителемъ сиротъ Ш—ра. Семья покойнаго онъ оказывалъ постоянную денежную помощь, мальчиковъ онъ помѣстилъ въ образцовую школу при семинаріи, по окончаніи ими курса онъ хлопоталъ объ устройствѣ ихъ на мѣста и въ концѣ концовъ имѣлъ радость и утѣшеніе видѣть, какъ его опекаемые вышли въ люди и устроились по мѣстамъ. И члены семьи Ш—ра помнятъ, что сдѣ-

лано для нихъ покойныхъ П. Д—мъ. Мы видѣли, какъ аккуратно къ праздникамъ они присылали П. Д—чу свои поздравительныя визитныя карточки, можно сказать, съ разныхъ концовъ міра. Въ послѣдній разъ, не задолго до своей смерти, такія карточки отъ двухъ братьевъ Ш—ровъ П. Д—чь получилъ изъ Парижа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Бирюковъ.

Протоіерей П. Д. Головинъ*).

Достоинства П. Д.—ча, какъ администратора, учителя и воспитателя, его высокія душевныя качества и благотворная и полезная дѣятельность во всѣхъ сферахъ епархіальной жизни, естественно, должны были высоко цѣниться Тобольскими архипастырями, при которыхъ онъ проходилъ свое служебное поприще, и которые своими указаніями въ нерѣдкихъ случаяхъ руководили его начинаніями и направляли ихъ.

Преосвященный Ефремъ, при которомъ П. Д.—чъ вступилъ въ должность ректора семинаріи былъ, можно сказать, его другомъ. Дружественныя отношенія его къ П. Д.—чу не прервались съ переводомъ архипастыря сначала на Курскую, а потомъ на Пермскую кафедру, поддерживаясь постоянно перепискою съ нимъ. Съ неизмѣнною доброже-

¹⁾ Колоколь № 953 отъ 13 мая 1909 года.

*) См. № 7 „Тобольск. Епархіальн. Вѣдом.“ за 1910 г.

лательностію относился преосвященный Ефремъ ко всѣмъ начинаніямъ П. Д—ча по благоустройству семинаріи и вообще къ его дѣятельности, всегда и во всемъ поддерживая его. Преемники этого архипастыря по Тобольской кафедрѣ—преосвященные Василій, Аврамій, Іустинъ и Ага-ангелъ несомнѣнно цѣнили П. Д—ча, какъ администратора. Объ этомъ свидѣлствуютъ ихъ всегдашнія добрыя отношенія къ П. Д—чу и благодарныя воспоминанія о нихъ, какъ расположенныхъ къ нему архипастырей, самого покойнаго. Кромѣ сего, въ подтвержденіе сказаннаго мы можемъ указать на одинъ характерный фактъ, едва ли многимъ извѣстный.—На Тобольскую кафедру прибылъ преосвященный Аврамій, человекъ мало общительный, замкнутый въ себѣ, человекъ сильной воли, настойчивый въ проведеніи своихъ плановъ, не справлявшійся при этомъ съ желаніями и мыслями окружающихъ. Никого не приближая къ себѣ, чуждый, по видимому, всѣхъ окружающихъ, никому изъ нихъ не отдавая предпочтенія, преосвященный Аврамій и къ П. Д—чу относился съ обыкновенною для него холодностію. Можно было думать, что для этого суроваго и холоднаго архипастыря горячая натура П. Д—ча совершенно чужда и непонятна, что для него П. Д—чъ являлся человекомъ, котораго легко замѣнить на мѣстѣ ректора. Обстоятельства показали однако противное. Предъ открытіемъ Томскаго университета возникъ вопросъ о замѣщеніи въ немъ кафедры профессора богословія, и должность эта была предложена П. Д—чу. Для послѣдняго въ настоящемъ случаѣ представлялась заманчивая перспектива оставить хлопотливую и отвѣтственную должность ректора семинаріи, занять спокойное мѣсто, дававшее лучшее матеріальное обезпеченіе и хорошую пенсію, до которой покойному оставалось уже сравнительно не много лѣтъ службы. Но когда въ этомъ случаѣ преосвященному Аврамію пришлось сказать свое слово, то въ душѣ холоднаго, по видимому, архипастыря нашлись теплыя чувства и слова. Преосвященный нашелъ нужнымъ заявить П. Д—чу, что онъ высоко цѣнитъ его дѣятельность, какъ ректора, что въ качествѣ начальника семинаріи онъ можетъ много принести пользы для нея, что для университета найдется подходящій человекъ, но хорошаго начальника для духовно-учебнаго заведенія найти не легко. Архипастырь сумѣлъ затронуть лучшія чувства души П. Д—ча, нашелъ нужнымъ засвидѣтельствовать, что все дѣло жизни покойнаго—воспитаніе духовнаго юношества—дѣло не легкое, не для всякаго до-

ступное, что именно П. Д—чъ является достойнымъ начальникомъ семинаріи. Только эти сердечныя убѣжденія преосвященнаго Аврамія заставили П. Д—ча отклонить сдѣланное ему лестное предложеніе занять университетскую каѳедру и остаться ректоромъ Тобольской семинаріи.

Послѣдніе годы своей семинарской службы П. Д—чъ провелъ при преосвященномъ Антоніи, недавно перемѣщенномъ, въ санъ архіепископа, на Тверскую каѳедру. Мы рѣшаемся утверждать, что и преосвященный Антоній цѣнилъ П. Д—ча. Объ этомъ, прежде всего, свидѣлствуютъ тѣ отличныя рекомендаціи, которыя преосвященный давалъ П. Д—чу въ ежегодно представляемомъ, по требованію семинарскаго устава, высшему начальству формулярѣ ректора. Кромѣ сего, объ этомъ говоритъ и то обстоятельство, что послѣднюю высшую награду свою П. Д—чъ получилъ по представленію преосвященнаго Антонія. Наконецъ, мы имѣемъ въ виду послѣдовавшее послѣ смерти П. Д—ча предложеніе преосвященнаго Антонія семинарской корпораціи о постановкѣ въ семинарскомъ актовомъ залѣ портрета покойнаго, какъ вполне заслужившаго эту честь долговременнымъ и благотворнымъ служеніемъ на пользу семинаріи. Но вмѣстѣ съ симъ, основываясь на словахъ П. Д—ча и на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ, мы не скроемъ, что съ послѣднимъ архипастыремъ, подъ начальствомъ котораго пришлось П. Д—чу нести семинарскую службу, покойный во многомъ не сходился во взглядахъ на административное, учебное и воспитательное дѣло. Объясняемъ мы это, прежде всего, ужъ слишкомъ большою противоположностью во всемъ душевномъ складѣ между преосвященнымъ Антоніемъ и П. Д—мъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, мы видимъ архипастыря, истаго монаха, даже аскета; съ другой, — его сотрудникомъ является человѣкъ, не чуждый міра и всего, яже въ мірѣ. Съ одной стороны стоитъ архипастырь, который смотритъ на семинарію, какъ школу, которая должна была давать своимъ воспитанникамъ богословское образованіе и готовить пастырей церкви; съ другой стороны, непосредственнымъ начальникомъ этой школы является П. Д—чъ, обѣими руками благословлявшій воспитанниковъ ея къ высшему университетскому образованію. Съ одной стороны мы видимъ архипастыря, который, являясь строгимъ законникомъ, смотритъ на законъ, какъ на вѣчно самодовлѣющее, требующее всегдашняго точнаго и неуклоннаго

исполненія. Съ другой стороны стоит П. Д—чь, который, считая, что по нуждѣ бываетъ и премѣненіе закона, дѣйствительно въ интересахъ учебно-воспитательнаго дѣла, какъ они понимались имъ, отступалъ отъ этого закона. Подобнаго рода антитезъ можно было бы указать еще много, но думаемъ, что и сказанное съ достаточною ясностію свидѣтельствуетъ, что мало было точекъ соприкосновенія между преосвященнымъ Автономъ и П. Д—мъ, мало было того, въ чемъ они могли бы сходиться между собою. Между тѣмъ при одномъ общемъ дѣлѣ сходство возрѣній, единство взглядовъ и пріемовъ представляется *conditio sine qua non* успѣшности совмѣстной работы и достиженія поставленныхъ при этомъ цѣлей. Кроме сего, почти 35-лѣтняя служба П. Д—ча должна была уже надломить его силы: въ послѣдніе годы своего ректорства онъ не могъ уже съ прежней энергіей вести дѣло управленія семинаріей и съ прежнимъ вниманіемъ относиться ко всемъ сторонамъ семинарской жизни. За симъ другой, болѣе эластичный человекъ на мѣстѣ П. Д—ча, можетъ быть, попытался бы приспособить свои дѣйствія подъ взгляды непосредственнаго начальника семинаріи, постарался бы согласовать ихъ съ возрѣніями представителя высшей власти, но П. Д—чу, въ теченіе долговременной службы успѣвшему уже выработать извѣстные принципы, твердые взгляды на дѣло, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь, подъ старость было уже не подъ силу ломать себя, приспособлять свои взгляды и убѣжденія къ мыслямъ другихъ людей. Наконецъ, ко всему этому присоединились нѣкоторыя нестроенія въ семинарской жизни,—нестроенія, предшествовавшія тѣмъ великимъ неурядкамъ, которые, вскорѣ послѣ выхода П. Д—ча въ отставку, до основанія потрясли всю духовную школу. П. Д—чь ясно видѣлъ, что дѣятельностію его недовольны, однако съ обычнымъ благодушіемъ переносилъ эти служебныя невзгоды.

Послѣ ревизіи Тобольской семинаріи въ 1904 г. членомъ—ре-визоромъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ М. И. Саввантскимъ, указомъ Св. Синода отъ 7 декабря 1904 г. П. Д—чь, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ духовно-учебной службы, съ правомъ на полученіе пенсіи, положенной за 35 лѣтъ таковой службы. Трудно сказать, какъ П. Д—чь повелъ бы себя, если бы ему привелось послужить еще немного въ семинаріи и дожить, въ званіи ея ректора, до тѣхъ безпорядковъ, которые вызвали даже закрытіе семинаріи. Но мы

знаемъ, что самъ онъ благодарилъ Бога, избавившаго его на закатѣ жизни отъ необходимости быть ближайшимъ виновникомъ тѣхъ неизбѣжныхъ репрессій, путемъ которыхъ потомъ пришлось возстановлять поколебленный строй семинарской жизни. П. Д — чу не пришлось испытать этой горькой для него чаши: онъ ушелъ изъ семинаріи, не оставивъ горькихъ воспоминаній и въ послѣднихъ поколѣніяхъ своихъ воспитанниковъ, сохранивъ въ памяти всѣхъ своихъ учениковъ образъ любвеобильнаго ректора — отца.

Состояніе здоровья П. Д — ча, при выходѣ его въ отставку, подавало ему, повидимому, надежды еще на долгіе годы жизни. Но ближайшее будущее показало обманчивость этихъ надеждъ. Скоро же по уходѣ на покой, въ состояніи здоровья П. Д — ча стали обнаруживаться нѣкоторые опасные и подозрительные симптомы, — скоро же оказалось, что и легкіе его не въ порядкѣ, и сердце работаетъ не вполне исправно. Несомнѣнно, что начатки болѣзни П. Д — чь получилъ еще на семинарской службѣ, теперь же болѣзнь только скоро и видимо прогрессировала. Неблагопріятствовало теченію болѣзни и душевное состояніе П. Д — ча. Почти 35 лѣтъ проведя въ усиленной хлопотливой дѣятельности, 27 лѣтъ стоя во главѣ семинаріи, съ утра до вечера исполняя свои многосложныя обязанности, онъ чувствовалъ себя оторваннымъ отъ любимаго дѣла и не находилъ въ себѣ силъ приняться за что-нибудь другое и посвятить новому дѣлу остатокъ своихъ жизненныхъ силъ. Трагизмъ его положенія и выражался именно, въ томъ, что онъ сознавалъ опасность ничегонедѣланія и въ то же время не находилъ себѣ дѣла по душѣ. Онъ горько жаловался на такое свое душевное и физическое состояніе, но не могъ побороть своей апатіи. Ясно, что это обуславливалось быстро развивавшеюся болѣзью П. Д — ча. Онъ быстро дряхлѣлъ, замкнулся въ своемъ домѣ, почти нигдѣ не показывался, опасаясь при неблагоприятной погодѣ даже выйти изъ дома, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Черезъ три года послѣ выхода въ отставку трудно было узнать въ этомъ одряхлѣвшемъ, постоянно жаловавшемся на свои болѣзни старцѣ, жизнерадостнаго П. Д — ча, который еще недавно оставлялъ семинарскую службу полнымъ физическихъ силъ. Между тѣмъ болѣзнь быстро прогрессировала. Медицинскія мѣры и средства оказывались безсильными, чтобы поддержать силы больнаго. Самъ хорошо сознавая, что смертный часъ для него близокъ, П. Д — чь

выражалъ только желаніе, чтобы страданія его кончились поскорѣе. Опъ по-христіански приготовился въ кончинѣ и, наконецъ, благородное любвеобильное сердце П. Д—ча перестало биться.

12 января, въ 8^{1/2} часовъ утра, предъ самымъ началомъ клас-сныхъ уроковъ въ семинаріи, удары колокола на колокольнѣ Тобольскаго Знаменскаго монастыря возвѣстили о послѣдовавшей кончинѣ П. Д—ча. Эта скорбная вѣсть сейчасъ же распространилась по семинаріи и въ скоромъ времени по всему городу, горько отозвавшись въ сердцахъ учениковъ П. Д—ча, его сослуживцевъ и всѣхъ знавшихъ покойнаго. Скоро же извѣстіе о смерти П. Д—ча достигло и ближайшихъ къ Тобольску городовъ, всюду вызывая скорбь о кончинѣ и молитвы о упокоеніи скончавшагося. Семья покойнаго получила прежде всего телеграмму изъ Тюмени отъ лица Тюменскаго духовенства, за подписью о. благочиннаго, съ выраженіемъ сочувствія ея горю и съ извѣщеніемъ о молитвѣ, которая возносится за покойнаго. Подобная же телеграмма была получена изъ Екатеринбургa отъ учениковъ П. Д—ча, служащихъ священниками въ этомъ городѣ. Позднѣе почтой было получено извѣстіе изъ г. Тары отъ лица тамошняго духовенства, приславшаго небольшую ленту на стипендію имени покойнаго.

Съ 12 часовъ дня началось служеніе панихидъ надъ тѣломъ П. Д—ча. Особенно торжественною явилась панихида, совершенная въ часъ дня ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Николаемъ, со всѣмъ семинарскимъ духовенствомъ, въ присутствіи наличныхъ преподавателей и воспитанниковъ семинаріи, которыхъ могла видѣть квартира покойнаго. Затѣмъ, панихиды, совершаемыя приходскими священниками, большинство которыхъ является учениками П. Д—ча, слѣдовали почти непрерывной чредой до выноса тѣла усопшаго въ церковь.¹⁾

¹⁾ Изъ наличнаго Тобольскаго духовенства учениками покойнаго являются: протоіерей—предсѣдатель Тобол. Епарх. Учил. Совѣта А. Дулебовъ, члены консисторіи Е. Фениковъ и Гр. Тутолминъ, настоятели приходскихъ церквей—протоіеріей М. Лавровъ, священники—П. Поникаровскій (членъ консисторіи), Ал. Юрвевскій (преподаватель епарх. женскаго училища), А. Пономаревъ, Н. Унжаковъ, П. Фаворскій, К. Кіановскій, Ал. Васильевъ, Н. Земляничинъ и В. Скосыревъ, помощникъ инспектора сем. свящ. К. Гусевъ, духовникъ семинаріи—С. Виноградовъ, управляющій свѣчнымъ заводомъ—І. Аксаринъ и надзиратель духовнаго училища—Ал. Киселевъ. Кроме сего, нѣкоторые представители духовенства—протоіерей М. Доброхотовъ (членъ консисторіи) и свящ. Ан. Катаевъ—были сослуживцами П. Д—ча по званію членовъ семинарскаго правленія отъ духовенства; епархіальный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ, протоіерей Н. Грифцевъ былъ преподавателемъ семинаріи во время ректорства покойнаго. Такимъ образомъ ⁴/₅ Тобольскаго городского духовенства были поставлены въ самыя близкія отношенія къ П. Д—чу, въ качествѣ учениковъ или сослуживцевъ его.

Вмѣстѣ съ симъ совершалось возложеніе вѣнковъ на гробъ покойнаго отъ различныхъ учрежденій и лицъ. Вѣнки эти были слѣдующіе: 1. „Глубокочтимому о. протоіерею Петру Д—чу Головину, бывшему ректору Тобольской духовной семинаріи, отъ корпораціи семинаріи“, 2. „Досточтимому о. протоіерею Петру Димитріевичу Головину отъ Тобольскаго епархіальнаго училищнаго совѣта“. 3. „Глубокоуважаемому ректору, о. протоіерею Петру Димитріевичу Головину отъ признательныхъ бывшихъ учениковъ—Тобольскаго духовенства“, 4. „Ректору—отцу отъ благодарныхъ питомцевъ“. 5. „Сердечному воспитателю и незабвенному воспитателю-учителю благодарные питомцы его, состоящіе на службѣ въ Тобольской казенной палатѣ“ и др.

13 января, въ 5^{1/2} часовъ вечера, послѣдовалъ выносъ тѣла П. Д—ча въ семинарскую церковь, при чемъ была произнесена рѣчь протоіеремъ А. П. Дулебовымъ, преемникомъ покойнаго по должности предсѣдателя Тобольскаго Епарх. Училищ. Совѣта. Съ 6 часовъ началось въ семинарской церкви всенощное бдѣніе, за которымъ, предъ пѣніемъ 17-й каѳизмы, было произнесено надгробное слово преподавателемъ семинаріи, іеромонахомъ Меѳодіемъ (Львовскимъ).

На другой день, 14 января, заупокойная литургія была совершена преосвященнымъ Антоніемъ, въ сослуженіи съ семинарскимъ духовенствомъ и нѣкоторыми членами соборнаго причта. На литургіи, вмѣсто причастнаго стиха, было произнесено поученіе архимандритомъ Николаемъ, преемникомъ П. Д—ча по должности ректора Тобольской семинаріи.

На отпѣваніе, послѣдовавшее за литургіей, во главѣ съ архипастыремъ, вышелъ многочисленный сонмъ городскихъ священниковъ, большинство которыхъ было учениками. П. Д—ча или связано было съ нимъ служебными или иными тѣсными узами. Предъ началомъ отпѣванія надъ гробомъ покойнаго была произнесена рѣчь ученикомъ его, преподавателемъ семинаріи Н. А. Бирюковымъ. Затѣмъ, во время отпѣванія, предъ послѣднимъ цѣлованіемъ умершаго, произнесъ рѣчь ученикъ же покойнаго, помощникъ инспектора семинаріи, священникъ К. И. Гусевъ.

По окончаніи отпѣванія тѣло покойнаго было отпущено въ могилу. Съ разрѣшенія преосвященнаго, мѣсто послѣдняго упокоенія П. Д—ча было избрано въ оградѣ Знаменскаго монастыря и семинаріи,

въ предѣлахъ которыхъ протекло 27-лѣтнее служеніе П. Д—ча. Могила его находится въ оградѣ, окружающей главный монастырскій Спасо-преображенскій храмъ, съ правой стороны его алтаря. Здѣсь надъ гробомъ покойнаго была произнесена послѣдняя рѣчь воспитателемъ VI класса семинаріи Н. Ивановымъ, и послѣ сего прахъ П. Д—ча былъ преданъ землѣ.

Заупокойное богослуженіе, отпѣваніе и погребеніе закончилось почти къ 5 часамъ вечера, при чемъ многочисленные богомольцы, явившіеся отдать послѣдній долгъ чести покойному и послѣднее цѣлованіе ему, оставались до конца печальной церемоніи. Къ поминальной трапезѣ по покойномъ, среди членовъ его семьи, служащихъ семинаріи, многихъ бывшихъ учениковъ, представителей городского духовенства и знакомыхъ, прибылъ и преосвященный Антоній. Впрочемъ, вслѣдствіе утомленія богослуженіемъ, продолжавшемся почти 3 часовъ, онъ скоро отбылъ изъ кваргиры покойнаго.

Такъ закончилось печальное торжество. П. Д—чъ кончилъ свое земное поприще, но дѣла его и память о немъ долго должны жить въ сердцахъ его учениковъ и знакомыхъ и неизгладимо остаться въ исторіи Тобольской семинаріи. О долголѣтней благоплодной службѣ покойнаго послѣдующимъ поколѣніямъ наставниковъ и учениковъ семинаріи будутъ напоминать и могила П. Д—ча, находящаяся въ предѣлахъ семинаріи, и его портретъ, который будетъ поставленъ въ актовомъ семинарскомъ залѣ. Но мы надѣяемся, что долголѣтнее служеніе П. Д—ча будетъ увѣковѣчено болѣе существеннымъ образомъ. Еще въ 1905 г., послѣ выхода П. Д—ча въ отставку, среди его учениковъ, сослуживцевъ и почитателей былъ поднятъ вопросъ объ увѣковѣченіи его долговременнаго служенія въ должности ректора Тобольской семинаріи учрежденіемъ при ней стипендіи его имени. Собранныхъ на этотъ предметъ суммъ ко дню смерти покойнаго числилось, по номинальной стоимости процентныхъ бумагъ, болѣе 650 рублей. Не сомнѣваемся, что теперь, послѣ смерти П. Д—ча, его бывшіе сослуживцы и ученики не откажутся посильными денежными взносами принять участіе въ образованіи задуманной стипендіи, что и духовенство на ближайшемъ епархіальномъ съѣздѣ придетъ со своею помощію осуществленію этого благого дѣла. Такая стипендія будетъ самымъ лучшимъ памятникомъ П. Д—ча, всегда заботливо относившагося къ

матеріальнымъ нуждамъ воспитанниковъ, которые кратко и выразительно охарактеризовали покойнаго въ надписи на своемъ вѣнѣ, возложенномъ на его гробъ, какъ „ректора—отца“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Бирюковъ.

Протоіерей П. Д. Головинъ*).

Слова, поученія и рѣчи, произнесенныя по случаю смерти и погребенія бывшаго ректора Тобольской дух. семинаріи, протоіерея П. Д. Головина.

I. Рѣчь, произнесенная протоіереемъ А. Дулебовымъ, при выносѣ тѣла усопшаго изъ дома въ церковь.

Блажени мертвіи, умирающіе о Господѣ: ей, глаголетъ Духъ, да почиють отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ всмѣдъ съ ними (Апок. XIV, 13).

Достоуважаемый о. протоіерей Петръ Димитріевичъ! Къ сонму многочисленныхъ почитателей твоихъ, собравшихся проводить тебя изъ твоего земнаго жилища, въ сей прощальный часъ позволь присоеди-

*) См. № 8 „Тобольск. Епаріалън. Вѣдомост.“ за 1910 г.

ниться и намъ, бывшимъ твоимъ сослуживцамъ и соработникамъ по лежавшему на тебѣ званію предсѣдателя Тобольскаго епархіального училищнаго совѣта.

Отъ лица Тобольскаго епархіального училищнаго совѣта мы свидѣтельствуемъ тебѣ, достоуважаемый о. протоіерей, чувства глубокаго уваженія и сердечной признательности за все то добро, которое ты сдѣлалъ для церковно-школьнаго образованія по должности предсѣдателя совѣта. Эту должность ты несъ безмездно цѣлыхъ 20 лѣтъ, со времени изданія Высочайше утвержденныхъ 3 іюня 1884 года правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, и немало принесъ симъ школамъ пользы за это время. Ты былъ ближайшимъ исполнителемъ всѣхъ предначинаній Тобольскихъ Архипастырей по дѣлу народнаго образованія въ духѣ церковности. Особенно ты, о. протоіерей, потрудился при открытіи церковныхъ школъ въ Тобольской епархіи въ началѣ введенія въ дѣйствіе правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, указывая способы открытія ихъ, а также нужныя для содержанія сихъ школъ средства. По твоему ходатайству былъ установленъ на содержаніе церковныхъ школъ 1⁰/₁₀₀ сборъ съ годовыхъ остатковъ церковныхъ суммъ, изъ котораго потомъ образовался запасный капиталъ въ 21,000 руб., что дало возможность въ настоящее время устроить при уѣздныхъ отдѣленіяхъ епархіального училищнаго совѣта книжныя склады, съ употребленіемъ на это дѣло 4000 р., и отчислить 8000 р. для выдачи ссудъ на постройку школьныхъ зданій. Не мало трудовъ понесъ ты, о. протоіерей Петръ Димитріевичъ, и въ дѣлѣ руководства учебною частію церковныхъ школъ при тѣхъ затрудненіяхъ, какія встрѣтились на первыхъ порахъ отъ недостатка знакомыхъ съ церковно-школьнымъ дѣломъ завѣдующихъ школами священниковъ и способныхъ, умѣлыхъ учителей для сихъ школъ. Съ цѣлію подготовленія первыхъ открыта была въ 1885 г. при Тобольской духовной семинаріи образцовая школа, организація коей всецѣло принадлежитъ твоимъ трудамъ. Съ цѣлію же улучшенія учительскаго персонала въ церковныхъ школахъ, по твоей иниціативѣ и при твоёмъ ближайшемъ участіи были устроены въ 1889 году первые въ Сибири педагогическіе краткосрочные курсы въ г. Ялуторовскѣ для учителей и учительницъ церковныхъ школъ, а въ слѣдующемъ 1890 г. ты самъ посѣтилъ педагогическіе краткосрочные курсы, бывшіе въ

г. Тюмени, чтобы лично убедиться въ правильномъ веденіи ихъ и въ той пользѣ, какую они приносятъ учащимъ въ школахъ. По твоей же инициативѣ и представленію была учреждена въ Тобольской епархіи для ревизіи церковныхъ школъ первая не только въ Сибири, но и во всей Россійской имперіи, должность епархіальнаго наблюдателя сихъ школъ, составлена для нея инструкция, указаны на содержаніе ея и мѣстныя средства. За всѣ истекшія 20 лѣтъ ты, о. Петръ Димитріевичъ, руководилъ дѣлами епархіальнаго училищнаго совѣта не только по откритію церковныхъ школъ и опредѣленію въ нихъ учащихся, но и по другимъ предметамъ, каковы: выписка въ церковныя школы книгъ учебныхъ и для внѣкласснаго чтенія, разъясненіе недоразумѣній, встрѣчающихся на практикѣ по управленію школами, направленіе дѣятельности уѣздныхъ отдѣленій епархіальнаго училищнаго совѣта при отступленіи ихъ отъ духа существующихъ правилъ и распоряженій начальства, распредѣленіе денежныхъ средствъ на жалованіе учащимъ въ церковныхъ школахъ и на другія школьныя нужды. Для руководства церковными школами тобою, о. протоіерей, составлены были въ 1889—1891 г.г. инструкции для уѣздныхъ отдѣленій, для благочинныхъ—наблюдателей школъ, для священниковъ, завѣдующихъ казѣ церковно-приходскими школами, такъ и школами грамоты, а впослѣдствіи они подъ твоимъ руководствомъ были пересмотрѣны, исправлены и при ближайшемъ твоёмъ участіи редактированы.

Твой, о. протоіерей Петръ Димитріевичъ, свѣтлый, гуманный, мудрый и любвеобильный образъ никогда не изгладится изъ благодарныхъ сердецъ всѣхъ насъ, имѣвшихъ счастье быть твоими сослуживцами и соработниками на нивѣ церковно-народнаго образованія.

Цѣня твой, о. Петръ Димитріевичъ, двадцатилѣтніе труды и заслуги по церковно-школьному дѣлу, мы приносимъ тебѣ дань уваженія и благодарности возложеніемъ сего вѣнка отъ Тобольскаго епархіальнаго училищнаго совѣта и будемъ непрестанно возносить молитвы наши къ Господу Богу, да увѣнчаетъ Онъ тебя и въ царствіи небесномъ вѣнцемъ правды, уготованнымъ всѣмъ вѣрнымъ и добрымъ рабамъ Его.

II. Слово, произнесенное преподавателем семинаріи, іеромонахомъ Меводіемъ, за всемошнымъ бдѣніемъ наканунѣ отпѣтія предъ пѣніемъ 17-й канѣизмы.

Вѣчная тебѣ память, достоблаженный и приснопамятный собратъ нашъ, протоіерее о. Петре!

Не для меня бы на сей разъ сіе священное мѣсто. Мнѣ-ли, не-наученному опытомъ собственной жизни, цѣнить достоинства ближняго, и мнѣ ли говорить о высокопочтенномъ мужѣ, украшенномъ сѣдиною лѣтъ и достопамятными дѣлами, которыя красятъ человѣка не менѣе сѣдины, по слову древняго священнаго мудреца: „старость бо честна не многолѣтна, ниже въ числѣ лѣтъ исчисляется“ (Прем. Сол. 4, 8). Да, слушатели благочестивые, жизнь покойнаго обильна дѣлами, столь похвальными, что изъ нихъ искусная рука сзумѣла бы сплести вѣнецъ надгробный, его достойный. Но скажу и то,—тамъ и словъ не-надо много, гдѣ такъ краснорѣчиво говорятъ дѣла, а, быть можетъ, мое скудное слово доставитъ хотя слабое утѣшеніе скорбящимъ при гробѣ...

Итакъ, вѣчная память тебѣ, достоблаженный собратъ! такъ обычно сопровождаетъ насъ св. Церковь изъ сего міра въ блаженную вѣчность. Этимъ прощальнымъ словомъ мы расстаемся и съ знатнымъ вельможей, и съ безвѣстнымъ простолюдиномъ; но въ почившему я прилагаю прощальное слово Церкви съ особеннымъ намѣреніемъ.

Излишне было бы мнѣ на семъ священномъ мѣстѣ повѣствовать о дѣлахъ службы о. протоіерея Петра предъ вами, которымъ дѣла сіи извѣстны не изъ письменныхъ памятникѣвъ, не по слухамъ,—предъ вами, которымъ большею частію онѣ извѣстны почти, какъ свои собственные. Достаточно указать, что покойный о. протоіерей заслужилъ милости двухъ монарховъ въ поощреніе и одобреніе себѣ, а теперь онъ переходитъ на судъ Царю царей, Царю небесному...

Въ церкви, братіе, нѣтъ напрасныхъ зрѣлищъ. Поэтому эти зна-ки вѣрной службы царской да послужатъ въ урокъ и подражаніе для насъ: кто вѣренъ своему долгу и званію, тотъ надѣйся получить вѣнецъ здѣсь—на землѣ, а особенно въ обителяхъ Отца Небеснаго.

Продолжать ли описывать его общественную жизнь, какъ онъ, служа обществу здѣшнему, видимо надъ нимъ возвышался по волѣ правительства и благодаря своей энергіи? Но мнѣ кажется, я оскорбилъ бы память усопшаго, говоря долго объ его заслугахъ граждан-

скихъ на педагогическомъ поприщѣ. При всемъ своемъ возвышеніи надъ другими, онъ всегда былъ, какъ одинъ изъ насъ: и незначительный въ глазахъ другого человѣка всегда былъ для него собесѣдникомъ, какъ педагогъ и гражданинъ, близкій къ нему по званію или отношеніямъ общественнымъ.—И вотъ урокъ для каждаго изъ насъ: не возносись предъ ближнимъ своимъ,—вознесетъ тебя Господь и скажутъ о тебѣ добро и люди.

Лучше бы и назидательнѣе для насъ посмотрѣть на него въ его домашней жизни; но и здѣсь, братіе, вы сами лучшіе тому свидѣтели. Вамъ, дорогіе коллеги, слѣдуетъ рассказывать и передавать новому поколѣнію о домашней его жизни. Вамъ извѣстно, что онъ, и оставивъ поприще службы, въ душѣ всегда былъ преданъ вамъ, всегда заботился о благополучіи и семинаріи и воспитанниковъ ея, никогда не переставалъ быть душою корпораціи семинаріи, лишь только была забота о благѣ общемъ. Скажите сами, въ комъ находили вы вѣрнаго содруга и совѣтника въ случаѣ сомнительныхъ обстоятельствахъ дѣлъ? Не прибѣгали-ли къ нему за совѣтомъ и помощію и послѣ того, какъ онъ не обязанъ былъ къ тому службою? Такъ, оставивши общественное служеніе со всеми знаками уваженія отъ Правительства, онъ всегда былъ вѣренъ своему долгу, своему званію, своей чести и въ кругу мирнаго своего семейства. Отъ этого нѣкоторая величавость, неотъемлемый знакъ ума природнаго, не сходила съ чела его, внушая при всѣхъ случаяхъ невольное къ нему уваженіе. А что сказать о привѣтливости и ласкѣ, которыхъ отъ него, казалось, можно было бы и не ждать, судя по его лѣтамъ и заслугѣ?! При всемъ множествѣ заботъ, неразлучныхъ съ его званіемъ, у него оставалось времени на бесѣду съ ближнимъ. Сколько можно бы извлечь уроковъ для себя и изъ семейной жизни сего достопочтеннаго о. протоіерея? И сколько-бы мы нашли ихъ, если бы сами они—повѣренные его мыслей повѣдали намъ тайны его жизни, возбуждающей такое къ себѣ вниманіе? Но его кровные по праву затаятъ повѣсть о немъ въ своемъ сердцѣ на сладость и утѣшеніе въ жизни, безъ него больше или меньше скорбной. Такъ, будутъ помнить тебя, достоблаженный собратъ нашъ, твои сослуживцы и сограждане, зная въ тебѣ вѣрнаго слугу на службѣ общественной; не забудутъ тебя твои знаменіи, видѣвшіе въ тебѣ всегдашній привѣтъ и ласку,—забыть-ли тебя твоимъ кровнымъ, для

которых ты былъ всегда нѣжный, добрый заботливый отецъ и по-печитель?... Но не о этой вѣчной памяти хотѣлъ бы я сказать, смотря на тебя во гробу въ семъ храмѣ. Ты здѣсь въ послѣдній разъ, а память о тебѣ?

О! сей священный храмъ, возлюбленные слушатели, будетъ постоянно напоминать намъ о высокоблаженномъ отцѣ протоіерей. Сии священныя стѣны, украшенныя иконами Божиими, не свидѣтельствуютъ-ли наилучшимъ образомъ объ его благочестіи, объ его желаніи блюсти чистоту и назидать святсе благоговѣніе не только своей души, но и своихъ ближнихъ, а особенно насельниковъ сего духовнаго виноградника, какъ будущихъ пастырей и учителей Христовой церкви. Извѣстны-ли вамъ всѣ его тайныя благотворенія въ пользу храмовъ Божіихъ, не своего только (семинарскаго), но и стороннихъ? Да будетъ это вѣдомо Тому, Кто слышитъ и тайный вздохъ и знаетъ самое сокровенное помышленіе человѣческое. По крайней мѣрѣ намъ, священнослужителямъ, не можетъ не придти на мысль имя новопреставленнаго протоіерея Петра, когда мы, исходя отъ Престола Благодати и вознося молитву при подножіи сего священнаго мѣста отъ лица народа, во всеуслышаніе будетъ взывать къ Богу милостей и щедротъ: „Благословляяй благословящія Тя, Господи, освящай на Тя уповающія, освяти любящія благолѣпіе Дому Твоего, Ты тѣхъ воспрослави Божественной Твоею силой“.

Еще къ вамъ, достопочтенная супруга и высокопочтенные родственники усопшаго, къ вамъ одно слово и не отъ себя, а какъ бы отъ него самого: отрите слезы съ очей вашихъ. Дай вамъ Богъ сохранить въ своемъ родѣ чистоту вѣры и благочестіе, семейный миръ и любовь, славу и честь гражданскаго быта, наконецъ добродѣтель, которая завѣщаль намъ своею жизнью достославный вашъ родоначальникъ, достоблаженный новопреставленный о. протоіерей Петръ,—да будутъ и ваши имена такъ же свѣтлы, какъ величественно имя его.

Всѣ же мы, возлюбленные слушатели, во время погребенія помолимся отъ чистаго сердца единими устами Царю царей и Господу господей, чтобы Онъ даровалъ всепрощеніе согрѣшеніямъ собрата нашего новопреставленнаго о. протоіерея Петра, да подастъ Онъ, какъ Праведный Судія, покой усопшему рабу Своему, да упокоитъ Онъ душу его въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюду же отбѣже пе-

чаль, болѣзнь и воздыханіе, а насъ всѣхъ помилуетъ по неизреченной Своей милости. Аминь.

III. Поученіе, произнесенное ректоромъ семинаріи, Архимандритомъ Николаемъ, вмѣсто причастнаго стиха на литургіи.

Итакъ, насталь и для тебя, возлюбленный о Господѣ братъ и сослужитель нашъ, отецъ Петръ, грозный и неизбѣжный часть смерти, часть, предназначенный тебѣ въ неисповѣдимыхъ путяхъ Промысла Божія, управляющаго жизнью людей и всей вселенной. Неумолимая смерть исхитила тебя изъ среды живыхъ, изъ среды родныхъ и знаемыхъ твоихъ, наложила печать молчанія на уста твои, соменула преутружденныя вѣжды твои, закрыла слухъ твой и положила запинаніе ногамъ твоимъ, но не смогла только лишить тебя возможности держать, хотя и безсознательно, въ ослабѣвшихъ рукахъ великія святыни христовой вѣры—Св. Евангеліе, животворящій крестъ, какъ животворные источники спасенія, ободренія и утѣшенія для христіанъ, живыхъ и умершихъ! Совершился жребій твой земной, окончилась духовная купля твоя на торжищѣ земной суеты, прекратился трудъ твой въ вертоградѣ духовномъ и настало время отдать отчетъ Небесному Дому-владыкѣ въ управленіи домовнѣмъ, въ трудолюбномъ воздѣльваніи вѣроупосланныхъ тебѣ отъ Бога талантовъ, духовныхъ дарованій, съ самаго выступленія твоего на служеніе духовной школѣ и Св. Церкви, въ цвѣтѣ твоихъ силъ, и до послѣднихъ лѣтъ твоей многотрудной жизни! Тихо и мирно покоишься ты теперь на смертномъ одрѣ твоёмъ,—въ этомъ тѣсномъ гробу, молчатъ уста твои, скованныя холодомъ смерти и ты не можешь уже намъ повѣдать, что испытываетъ твой безсмертный духъ въ эти таинственныя и страшныя минуты! Полонъ ли онъ миромъ и несказаннымъ блаженствомъ, воспаряетъ ли онъ радостный, ликующій отъ раскрывшагся предъ нимъ райскаго неизреченнаго свѣта, — къ престолу Всевышняго Творца и Судіи, или томится скорбію о разлукѣ съ родными и знаемыми, о содѣянныхъ прегрѣшеніяхъ, не заглаженныхъ исповѣдію, томится предчувствіемъ суда и отвѣта на немъ? Мы не знаемъ этой тайны вполнѣ, но за то слышимъ грозное опредѣленіе Божіе: „лежитъ человѣкомъ единою умерети, потомъ же судъ (Евр. 9, 27); если праведникъ едва спасется, то нечестивый и грѣшный гдѣ явится? (1 Петр. 4, 18). Слышимъ мы

и въ священнихъ пѣснопѣніяхъ Св. Церви грозныя предостереженія и напоминаніе: „помышляю день страшный и плачуся дѣяній моихъ лукавыхъ: како отвѣщаю безсмертному Царю? Или коимъ дерзновеніемъ воззрю на Судію?“ (Сѣдаленъ покаяннаго канона); „зряще мя безгласна и бездыханна, восплачете о мнѣ братія и друзи“... Слыша эти изреченія Священнаго Писанія и священныхъ церковныхъ пѣснопѣній, ужасомъ великимъ должно бы содрогаться наше бѣдное, немощное сердце, если бы намъ не дано было и радостныхъ обѣтованій и утѣшеній отъ Самого Господа Христа, Спасителя нашего, Святыхъ Его апостоловъ и Св. Матери нашей Церкви. „Да не смущается сердце ваше, ни устрашаетъ, вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте; приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я упокою васъ—говоритъ Милосердый Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ; „аще вѣруемъ, говоритъ апостоль Христовъ Павелъ, яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершіа о Іисусѣ приведетъ съ нимъ (I Фессал. 4, 14), да живыми и мертвыми обладаетъ“ (Рим. 14, 4); Блаженни умирающіи о Господѣ, говоритъ возлюбленный ученикъ Христовъ Іоаннъ Богословъ въ своемъ откровеніи: Ей, глаголетъ Духъ, да почіють отъ трудовъ своихъ (Апок. 14, 3); точно такъ же и Св. Церковь, какъ любвеобильная мать, въ тяжкій часъ разлуки съ усопшими нашими родными и знаемыми въ утѣшеніе наше воспѣваетъ устами служителей своихъ: „блаженъ путь, въ онъже пойдеша, душе, яко уготовися тебѣ мѣсто упокоенія“. (Прокимень предъ чтеніемъ апостола при погребеніи).—Какимъ бы великимъ утѣшеніемъ и отрадою было для твоихъ родныхъ и знаемыхъ, усопшій собратъ нашъ о Христѣ, если бы эти радостныя и мирныя обѣтованія Самого Христа Спасителя, Его апостоловъ и Св. Церкви нашей нынѣ исполнились надъ тобою, если бы не смутилось сердце твое при встрѣчѣ ужасовъ адскихъ на мытарствахъ, если бы оно было полно горячей вѣрой во Христа, если бы ты въ мирѣ и радости почилъ отъ трудовъ твоихъ въ мѣстѣ упокоенія до самаго страшнаго суднаго дня! Не намъ испытывать тайны судьбы Божіихъ и опредѣленій, не намъ грѣшнымъ и немощнымъ рѣшать судьбу собратій нашихъ, но мы все-таки будемъ надѣяться и просить нелицепріятнаго Праведнаго Судію и Господа помянуть въ неизслѣдованныхъ путяхъ Своего милосердія и труды усопшаго собрата нашего о Господѣ и дать ему мѣсто радостнаго упокоенія, покрывъ милосердіемъ и любовію Своею его прегрѣшенія вольныя и невольныя.

Въ самомъ дѣлѣ: развѣ это малый подвигъ, развѣ это легкій трудъ—цѣлыхъ 27 лѣтъ кромѣ преподавательской должности стоять во главѣ духовной, средней школы, быть отвѣтственнымъ за все лицо, являться руководителемъ и неопытныхъ отроковъ, и юношей, и умудренныхъ наукою, жизнію ихъ учителей и воспитателей? Какое великое нужно было напряженіе духовныхъ и тѣлесныхъ силъ, чтобы съ честію стоять во главѣ учебнаго заведенія въ трудную пору его существованія, при разнообразныхъ вредныхъ вліяніяхъ и опасныхъ обстоятельствахъ, разстраивавшихъ и школьную и государственную жизнь? Сколько горькихъ, безотрадныхъ и скорбныхъ минутъ приходилось пережить почившему въ эти долгія 27 лѣтъ его ректорства, пока онъ изъ бодраго, полного силъ мужа—превратился въ согбеннаго, убѣленнаго сѣдинами старца? Въ эти долгіе годы его управленія школой, какой великій сонмъ духовныхъ юношей и ихъ учителей прошелъ предъ нимъ и со всѣми почти ими ему приходилось имѣть дѣло: приходилось наставлять, вразумлять, обличать, утѣшать, помогать совѣтами, ходатайствами, деньгами, спасать отъ отчаянія, паденія, исключенія изъ школы или же съ тугою сердечною исключать изъ числа учащихся съ тѣмъ, чтобы вскорѣ опять ходатайствовать о принятіи нѣкоторыхъ, болѣе достойныхъ прощенія. Заботы о хозяйственныхъ дѣлахъ школы, о поддержаніи порядка, нарушаемаго легкомысліемъ или заблужденіемъ учащихся, наблюденіе за дѣломъ воспитанія и обученія, сношеніе съ разнообразными лицами и учрежденіями, сознаніе отвѣтственности за школу и вообще всякія огорченія, неизбѣжныя въ сложномъ отвѣтственномъ дѣлѣ—все это не могло не причинять почившему хлопотъ и скорбей въ продолженіи цѣлыхъ 27 лѣтъ.

Какъ бы безмѣрно счастливъ былъ бессмертный духъ почившаго и какъ счастливы были и сослуживцы, знаемые и родные почившаго, если бы въ страшный часъ смертный Духъ Божій воззвалъ и возглаголалъ ему гласомъ крѣпкимъ, гласомъ радованія и веселія, гласомъ утѣшенія и всепрощенія: „приди и почій отъ трудовъ твоихъ“! „Воспріемли блаженство умирающихъ о Господѣ“.—Правда, въ жизни почившаго, какъ и въ жизни каждаго человѣка, облеченнаго немощною плотію и не свободнаго отъ влеченія къ грѣху, могли быть и опущенія и слабости и паденія, ибо „нѣсть человѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ, и никто же чистъ отъ северны, аще и единъ

день житія его на землѣ“, какъ удостовѣряетъ Слово Божіе и Св. Церковь, но мы будемъ вѣрить и надѣяться, что Милосердый Господь послаемъ ны почившему скорбями и болѣзнями, какъ очистительнымъ врачествомъ для души, а болѣе всего исповѣдью предъ отцомъ духовнымъ и принятіемъ Животворящихъ Христовыхъ Таинствъ, омылъ, очистилъ, освятилъ его и, воочію видимъ теперь, что далъ ему мирную, тихую, христіанскую кончину. Не будемъ терять надежды и на то, что Милосердый Господь вспоманетъ въ день Суда и тотъ подвигъ любви, который онъ проявилъ и въ основаніи общества вспомошествованія недостаточнымъ воспитанникамъ семинаріи и въ содѣйствіи поступленію пожертвованій на стипендію, а также подвигъ усердія къ благолѣпію церковному, подвигъ, который онъ нѣкогда подъялъ для славы Божіей, когда при жизни своей употребилъ столько заботъ, хлопотъ, усилій и усердія, чтобы устроить этотъ св. храмъ, благолѣпно украсить его, снабдить всѣмъ необходимымъ для благолѣпнаго богослуженія и выбрать изъ учащихъ усердныхъ юношей, которые по преемству передаютъ одинъ другому и любовь и усердіе къ св. храму и порядку въ немъ, какіе усопшій внушилъ ихъ предшественникамъ.

Не есть ли это напоминаніе и священный завѣтъ вамъ, духовныя юноши, отъ лица почившаго, чтобы вы любили св. храмъ, какъ величайшую и драгоцѣннѣйшую святыню на землѣ, чтобы умою и сердцемъ тяготѣли къ св. храму, какъ мѣсту невидимаго присутствія Божія, мѣсту селенія славы Его, любили службу церковную, находили въ ней неоскудѣвающій, благодатный источникъ вразумленія, утѣшенія, укрѣпленія и ободренія и въ трудныя минуты вашей жизни, и въ дни свѣтлыхъ церковныхъ торжествъ, и во всякое время, во всѣ дни вашей жизни, и чтобы св. храмъ былъ для васъ и училищемъ благочестія и вѣры, и духовною лечебницею, и священнымъ мѣстомъ общенія духовнаго съ Отцемъ Небеснымъ, возлюбленнымъ мѣстомъ селенія Божія, въ которомъ „скончалась бы и котораго желала бы душа ваша“, по слову псалмопѣвца, дабы надъ вами нѣкогда исполнилось въ будущей жизни пророчество возлюбленнаго ученика Господня Іоанна Богослова: „это тѣ, которые пришли отъ великой скорби; они омыли одежды свои, убѣдили кровію Агнца; за это они пребываютъ нынѣ предъ престоломъ Бога и служатъ ему день и ночь въ храмѣ Его,

и Сидящій на престолѣ будетъ обитать въ нихъ; они не будутъ уже ни алкать, ни жаждасть, ибо Агнець Божій будетъ пасти ихъ и водить на живые источники воды, и отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ“ (Апок. 6,14-17).

Да исполнится же это пророческое слово апостола Христова и надъ почившимъ за его усердіе и любовь къ св. храму, за назидательный урокъ благоговѣнія къ нему, попеченія о немъ; да исполнится же на немъ и прошеніе св. церкви, молящейся „о блаженныхъ, приснопамятныхъ создателяхъ храма“; а также прошеніе ея о томъ, чтобы „освятить Господь любящихъ благолѣпіе дома Господня и воспрославилъ ихъ Своею Божественною силою“, помянулъ „плодоносящихъ и добродѣющихъ во св. церквахъ и далъ имъ во спасенію прошенія и жизнь вѣчную“.

Къ этимъ молитвамъ и благопожеланіямъ св. церкви послѣ извѣстія о кончинѣ почившаго раба Божія протоіерея Петра, мы надѣемся, присоединится цѣлый сонмъ его знаемыхъ и особенно учениковъ—іереевъ Божіихъ, разсѣянныхъ по всей епархіи и въ другихъ мѣстахъ Сибири или Россіи и эти молитвы отовсюду возносятся будутъ объ упокоеніи усопшаго и о прощеніи его прегрѣшеній. Вотъ и нынѣ нѣкоторые изъ нихъ собрались около гроба его отдать ему послѣдній долгъ, сказать послѣдній привѣтъ и почтить его послѣдній исходъ изъ школы, въ которой онъ училъ ихъ. Вотъ и святитель Божій подвигся нынѣ принять участіе въ молитвахъ о почившемъ, преподать ему напутственное, дѣйственное свое архипастырское благословеніе.

Да возрадуется же, почившій собратъ нашъ, твой безсмертный духъ при видѣ этихъ проявленій уваженія къ твоей личности и со стороны твоихъ сослуживцевъ, со стороны учащихся, начальствующихъ и учениковъ твоихъ, родныхъ и знаемыхъ твоихъ и ихъ молитвами — окрыляемый и поддерживаемый и сопутствуемый (безсмертный духъ твой) съ дерзновеніемъ да вознесется и предстанетъ предъ престоломъ Всевышняго Судіи и Мздовоздателя. Господь даровалъ тебѣ утѣшеніе почить тѣломъ твоимъ вблизи школы, которою ты нѣкогда управлялъ, да входящій и исходящій изъ нея, взирая на мѣсто твоего послѣдняго упокоенія, пусть памятуютъ и о своемъ исходѣ изъ этого міра, постоянно готовятся къ нему и молятся о тебѣ, почившій собратъ нашъ,

чтобы безсмертный духъ твой обрѣлъ вѣчный и блаженный покой въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, идѣ же всѣ праведные пребываютъ; и тамъ, обрѣтши дерзновеніе предъ престоломъ Всевышняго Судіи, помолись и о насъ, еще плавающихъ по бурному житейскому морю, да сбудется и надъ всѣми нами радостное обѣтованіе, возвѣщенное чрезъ Тайнозрителя и апостола Христова: „блаженни умирающіи о Господѣ. Ей, глаголетъ Духъ: да почиють отъ трудовъ своихъ!“

Протоіерей П. Д. Головинъ*).

IV. Рѣчь, произнесенная преподавателемъ семинаріи Н. Бирюковымъ, предъ началомъ отпѣванія.

Отецъ нашъ! Да будетъ позволено мнѣ, усопшій о. протоіерей Петръ Димитріевичъ, обратиться къ тебѣ съ такимъ сыновнимъ воззваніемъ. Воззваніе это, надѣюсь, найдетъ отзвукъ въ сердцахъ многочисленнаго сонма тѣхъ, которые имѣли счастье быть твоими подчиненными, сослуживцами и учениками. Я же, благодареніе Господу, во всей полнотѣ извѣдалъ это счастье, ибо съ самаго начала своей сознательной жизни былъ поставленъ въ близкія отношенія къ тебѣ. Шестъ лѣтъ я былъ твоимъ ученикомъ, 17 лѣтъ я несъ службу въ учебномъ заведеніи, начальникомъ котораго былъ ты; наконецъ, на закатѣ дней твоихъ Господь далъ мнѣ возможность быть твоимъ постояннымъ собесѣдникомъ, предъ которымъ ты раскрывалъ свою душу, съ которымъ дѣлился своими думами, предъ которымъ не утаивалъ своихъ сердечныхъ тайнъ. Позволь же мнѣ, какъ человѣку, который видѣлъ твою дѣятельность не съ внѣшней только показной стороны, а со стороны тѣхъ внутреннихъ чувствъ, которыми согрѣвалось всякое совершаемое тобою дѣло, освѣтить то жизненное поприще, которе ты прошелъ, какъ ректоръ

*) См. № 11 „Тобольск. Епаріальн. Вѣдомост.“ за 1910 г.

Тобольской семинаріи, и изобразить твой нравственный обликъ, какъ начальника и человѣка.

Вступленіе твое въ должность ректора Тоб. семинаріи послѣдовало не много времени спустя послѣ преобразованія ея по уставу 1867 г. Какъ непосредственному начальнику семинаріи, тебѣ пришлось продолжать нелегкое дѣло своего предшественника—перестраивать старый строй семинарской жизни по новому уставу, старая формы подчинять новымъ требованіямъ. Насколько была успѣшна твоя дѣятельность въ этомъ отношеніи, показываетъ послѣдовавшая въ 1879 г. ревизія Тоб. семинаріи, признавая состояніе семинаріи удовлетворительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ—учебномъ, воспитательномъ и хозяйственнымъ. Уставъ дух. семинаріей 1884 г. возложилъ на тебя новую работу преобразованія семинаріи; вновь тебѣ, какъ непосредственному начальнику учебнаго заведенія, пришлось влить старое вино въ мѣхи новые. И ревизія 1893 г. вновь засвидѣтельствовала успѣшность и полезность твоихъ заботъ и трудовъ въ этомъ отношеніи. Благодаря твоимъ же заботамъ и трудамъ, въ семинаріи устроенъ собственный благолѣпный храмъ, открыто общежитіе, въ которомъ епархіальные воспитанники пользуются бесплатнымъ помѣщеніемъ и содержаніемъ, существуетъ и дѣйствуетъ общество вспомошествованія недостаточнымъ воспитанникамъ Тоб. семинаріи.

Высокія свойства твоего ума и сердца съ особенною ясностію выражались въ твоихъ отношеніяхъ къ сослуживцамъ. Какъ бы поставивъ девизомъ своей дѣятельности слова псалмопѣвца: *се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупу* (Пс. 132, 1), ты въ своихъ отношеніяхъ къ сослуживцамъ никогда не стремился подавить ихъ авторитетомъ своей власти; не опасаясь уронить престижа начальника, ты всегда, даже при официальныхъ отношеніяхъ, готовъ былъ выслушать чужое, несогласное съ твоимъ мнѣніемъ, подвергнуть его обсужденію, руководясь тою мыслію, что это столкновеніе мнѣній можетъ только выяснить истину и принести пользу для дѣла. Являясь неизмѣнно человѣкомъ доброжелательнымъ, ты всегда готовъ былъ къ каждому изъ своихъ подчиненныхъ придти въ духовной и матеріальной нуждѣ на помощь, каждому оказать содѣйствіе, относясь къ интересамъ своихъ сослуживцевъ, какъ своимъ собственнымъ.

Съ такой же симпатичной стороны рисуются отношенія твои къ воспитанникамъ ввѣреннаго тебѣ учебнаго заведенія. Чуждыя сухого формализма, отношенія эти всегда отличались характеромъ отеческой благожелательности и мудрой снисходительности. Сколько можно указать твоихъ бывшихъ учениковъ, даже изъ числа присутствующихъ теперь предъ гробомъ твоимъ, которые обязаны благополучнымъ окончаніемъ семинарскаго курса исключительно твоей снисходительности. Сколько разъ члены семинарской корпораціи, обсуждая на педагогическихъ собраніяхъ правленія проступки семинарскихъ грѣшниковъ, слышали отъ тебя указанія на переходный возрастъ воспитанниковъ, на вліяніе наслѣдственности и на разныя смягчающія вину воспитанника обстоятельства. Подобнаго рода указанія и ссылки возбуждали, можетъ быть, улыбки на устахъ формалистовъ и ригористовъ. Но результатомъ твоего представительства обычно являлась для воспитанника возможность продолжать и окончить семинарское образованіе и сдѣлаться полезнымъ членомъ общества. Отечественія отношенія твои къ воспитанникамъ не прерывались съ окончаніемъ ими семинарскаго курса. Многіе изъ нихъ, особенно поступившіе въ высшія учебныя заведенія, вели переписку съ тобою, сообщали тебѣ о своихъ впечатлѣніяхъ и чувствахъ, возбуждавшихся новыми лицами и обстановкой, обращались къ тебѣ со своими запросами и нуждами. Съ обычнымъ радушіемъ, любезностію и добротой ты приходилъ къ нимъ на помощь, не отказывая имъ не только въ нравственной поддержкѣ, но и въ денежныхъ пособіяхъ, создавъ себѣ лестную репутацію человѣка совершенно нестяжательнаго и удивительно безкорыстнаго. Не смотря на то, что нѣкоторые злоупотребляли твоей добротой, ты не разочаровывался въ людяхъ, не закрывалъ своего сердца предъ нуждающимися. Еще болѣе тѣсными и сердечными являлись твои отношенія къ тѣмъ изъ твоихъ воспитанниковъ, которыхъ судьба поставляла въ служебныя или иныя близкія отношенія къ тебѣ. Всѣ такіе воспитанники твои засвидѣтельствуютъ, что, возвращаясь изъ страны далече въ свою родную семинарію или въ свой отечественный городъ, они встрѣчали въ лицѣ твоемъ не начальника, стремящагося подавить подчиненнаго авторитетомъ своей власти, а отца и учителя, который радуется успѣхамъ своего сына и ученика, встрѣчаетъ его распростертыми объятіями и закалаетъ для него тельца убитаннаго. Многолѣтняя служба твоя, соединенная съ большей вла-

стью, не сдѣлала тебя формалистомъ, не очерстила твоей души: среди молодыхъ учениковъ своихъ ты умѣлъ чувствовать себя молодымъ, умѣлъ поставить себя не въ начальническія, а въ товарищескія и дружественныя отношенія, показать свѣжесть прежнихъ студенческихъ впечатлѣній, не заглушенныхъ обстоятельствами жизни. Среди своихъ бывшихъ учениковъ ты, говоря словами ветхозавѣтнаго приточника, былъ *тѣтель, ходя въ кокошѣхъ благодушенъ* (прит. 30, 31).

Всѣ высшія свойства твоего характера—постоянное радушіе, любезность, широкая доброта, удивительная нестяжательность и безкорыстіе невольно привлекали къ себѣ всякаго, знающаго сколько-нибудь твой нравственный обликъ. Эти же свойства твоего характера облегчали тебѣ перенесеніе разнаго рода служебныхъ невзгодъ, которыя неизбѣжны для всякаго общественнаго дѣятеля, особенно поставленнаго во главѣ такого важнаго и отвѣтственнаго дѣла, какъ воспитаніе юношества. Съ всегдашнимъ благодушіемъ своимъ относился ты къ этимъ невздамъ, позабывая все то доброе, что было сдѣлано тобою для семинаріи, не рѣдко обвиняя самого себя въ неумѣнны сдѣлать, что нужно, не оправдываясь въ обвиненіяхъ, часто несостоятельныхъ, не ища поддержки и ободренія у іерусалимскихъ южиковъ.

Таковымъ, отецъ нашъ, рисуешься ты въ мысляхъ твоихъ учениковъ. Отъ лица сихъ послѣднихъ въ благодарность за все то добро, которое ты сдѣлалъ для нихъ и для воспитавшаго ихъ учебнаго заведенія, прими этотъ глубокій поклонъ.

V. Рѣчь, произнесенная помощникомъ инспектора семинаріи, священникомъ Н. Гусевымъ, предъ послѣднимъ цѣлованіемъ усопшаго.

Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего.

Не стало между нами близкаго намъ и дорогаго собрата нашего, бывшаго начальника и сослуживца о. ректора протоіерея Петра Димитріевича. Усопшій собратъ нашъ былъ близокъ большинству изъ насъ по своему происхожденію изъ духовнаго званія, по своему раннему сиротству (въ дѣтствѣ), по той тернистой школѣ ученія, которую онъ осилилъ и прошелъ, благодаря своимъ незауряднымъ способностямъ. Если въ наше время слышатся нареканія на шеольные порядки, на постановку дѣла обученія и воспитанія, на содержаніе воспитанниковъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, если слышны порой жалобы даже

на нерарѣшеніе учащимся ходить въ театры на всѣ безразличія піесы въ праздники и въ будни, то что сказать о школѣ прежняго времени, о школѣ, существовавшей 50 лѣтъ тому назадъ? Скудость учебниковъ, учебныхъ пособій и библіотекъ¹⁾, недостаточность опытныхъ и ученыхъ силъ для руководства и учительства, незавидное содержаніе пищею и отсутствіе помощи со стороны (не было всякаго рода обществъ вспомошествованія учащимся), полное запрещеніе выхода изъ стѣнъ школы вовся дни и недопущенія отпусковъ не только въ театры, но нерѣдко и для свиданія съ родными въ праздники, — все это дѣлало школу суровой и неуютной, неприглядной и непривѣтливой, дающей сравнительно мало, но предъявляющей большія требованія. Тогда ученическая дисциплина поддерживалась не столько словомъ увѣщанія, наставленія, сколько силою наказанія и отеческаго вразумленія. Не всякій мирился съ условіями такой школьной жизни, не всѣ могли снести такой режимъ, — посредствомъ, слабые духомъ и тѣломъ были школы мучениками и рѣдко имѣли возможность благополучно завершить курсъ ученія. За то, если кто находилъ въ себѣ достаточно духовныхъ и нравственныхъ силъ вынести все это, тотъ выходилъ изъ духовной школы закаленнымъ бойцомъ на пользу церкви, готовымъ на борьбу при всякаго рода невзгодахъ этого, обуреваемого страстями, житейскаго моря. Такимъ и былъ почившій собратъ нашъ. Съ помощію Божіею, онъ съ честію прошелъ курсъ ученія въ низшей и средней школѣ, а за тѣмъ и въ духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ числѣ первыхъ воспитанниковъ съ ученой степенью магистра богословія.

Покойный о. протоіерей Петръ Димитріевичъ дорогъ намъ потому, что онъ всего себя посвятилъ служенію церкви и той педагогической дѣятельности, на поприщѣ которой подвизаемся и мы; онъ служилъ первоначально въ качествѣ преподавателя, а потомъ руководителя учащихся и учащихся въ семинаріи. Здѣсь собратъ нашъ отличался своею добротою, простотою въ жизни и обращеніи, прямою характера и умѣніемъ соединить своихъ сослуживцевъ въ работоспособную и дружную семью. За время его служенія не помнится ни одного случая

¹⁾ Припоминается, что въ Тобольскомъ духовномъ училищѣ въ концѣ 60 и въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка совсѣмъ не было ученической библіотеки. Во время рождественскихъ каникулъ, когда у школяровъ, оставшихся въ бурѣ, было много свободнаго времени, выдавались имъ такія книги для чтенія, какъ „Странникъ“, „Душеполезное Чтеніе“ и другіе духовные журналы.

серьезныхъ недоразумѣній между начальствующими и подчиненными, высшими и низшими служащими въ семинаріи. Это послѣднее качество покойнаго отмѣтилъ бывшій наставникъ нашей семинаріи, а въ настоящее время Высокопреосвященный Архіепископъ, Экзархъ Грузіи Иннокентій, когда пять лѣтъ тому назадъ онъ былъ гостемъ въ семинаріи. При такихъ своихъ душевныхъ качествахъ, покойный пользовался, благодаря имъ, любовію не только своихъ сослуживцевъ, воспитанниковъ, но и всѣхъ знавшихъ его, какъ лицъ духовныхъ, большинство которыхъ въ епархіи получило воспитаніе и образованіе подъ его руководствомъ, такъ и свѣтскихъ.

Въ лицѣ почившаго о. протоіерея Петра мы потеряли дорогого и незабвеннаго отца, который много лѣтъ молился въ этомъ храмѣ, созданномъ его усиліями и трудами, „о своихъ грѣхахъ и людскихъ невѣжествіяхъ“. Въ этомъ храмѣ онъ собиралъ насъ для молитвы, для наученія истинамъ Христова ученія, дабы приготовить изъ насъ и питомцевъ сей школы достойныхъ пастырей и руководителей меньшей братіи. Въ этотъ храмъ науки онъ неустанно руководилъ просвѣщеніемъ юношества въ духѣ православной церкви, прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы предохранить вѣрныхъ его попеченію питомцевъ отъ увлеченія такими лжеученіями, которыя могутъ губительно отозваться и испортить только что начинающуюся жизнь неопытныхъ юношей. Вотъ гдѣ нужно искать причину того обстоятельства, что почившій о. ректоръ большую часть своихъ уроковъ по нравственному богословію, которое онъ преподавалъ въ началѣ своего служенія въ семинаріи, удѣлялъ на опроверженіе теорій матеріалистовъ, нигилистовъ, анархистовъ и тому подлжеученій, направленныхъ къ ниспроверженію существующаго порядка и противъ священной Особы Государя Императора, ведущихъ къ развращенію и нравственной смерти необрѣвшихъ умовъ. Онъ видѣлъ и зналъ: сколько въ Россіи погибло недозрѣлыхъ умовъ, но даровитыхъ горячихъ головъ только потому, что во время не было сдѣлано предостереженія, во время не указана вся ложь этихъ райныхъ ученій, не раскрыта та пропасть, которая угрожаетъ опасностью поглотить легковѣрныхъ, не выяснена на основаніи положительныхъ наукъ несообразность и несостоятельность этихъ пагубныхъ для вѣры, церкви и отечества, тѣла и духа ученій. И вотъ покойный о. ректоръ взялъ на себя эту тяжелую и трудную задачу—познакомить подрастающее по-

колѣннѣ съ развращающимъ вліяніемъ и губящимъ молодыя силы тлетворнымъ ученіемъ нигилизма. Съ этою же цѣлію имъ было написано и напечатано много поученій и брошюръ полемическаго характера въ основанныхъ имъ „Тобольскихъ Вѣдомостяхъ“, редакторомъ которыхъ онъ былъ 10 лѣтъ. Кстати сказать, что этотъ духовный печатный органъ подъ руководствомъ покойнаго преслѣдовалъ ту же задачу—распространеніе и выясненіе Христова ученія и опроверженіе ученій, противныхъ духу православной церкви, царю и отечеству. И его проповѣдь истиннаго служенія Богу и отечеству не была бесплодна. Смутные годы 1905—1907 показали, что пастыри Тобольской епархіи твердо стояли подъ знаменемъ православія и самодержавія и не увлеклись освободительнымъ движеніемъ, насаждавшимъ свободу отъ совѣсти, церкви, Христова ученія, государственныхъ законовъ и обязанностей и умаляющимъ русскую народность въ дѣлѣ ея самоопредѣленія и управленія.

Въ частныхъ неслужебныхъ отношеніяхъ съ нами покойный дѣлилъ горе и радость и готовъ былъ всегда помочь и оказать поддержку какъ словомъ, такъ и дѣломъ нуждающемуся. Много случаевъ такого рода въ моей памяти, касающихся меня лично и да позволено будетъ моей благодарной памяти указать примѣры ихъ. Я оканчивалъ курсъ ученія въ семинаріи и однажды съ очередною проповѣдью являюсь къ почившему о. ректору. Внимательно осмотрѣвъ меня, онъ увидѣлъ, что моя казенная одежда сильно пострадала отъ времени и продолжительной носки и тотчасъ же безъ моей просьбы даетъ распоряженіе о выдачѣ мнѣ новаго платья. Когда я отправлялся въ академію волонтеромъ, онъ изъ своихъ средствъ снабдилъ меня деньгами на дорогу. Его щедрая рука простиралась не только къ тѣмъ, которые были около него; но онъ не забывалъ и сущихъ далече: я, грѣшный, и другіе изъ товарищей по академіи не разъ получали отъ него денежную помощь. Да и можно ли счесть всѣ тѣ добрыя дѣла, которыя можетъ подсказать человѣку добрая, отзывчивая душа. Не даромъ же, добрѣйшій о. ректоръ, къ твоему гробу собрались сюда въ такомъ множествѣ твои бывшіе сослуживцы и сохранившіе о тебѣ добрую память, собрались для того, чтобы помолиться объ упокоеніи твоей души, души доброй и незлобивой. И если въ эти печальныя минуты ты видишь пока вокругъ твоего гроба болѣе печали, горя, слезъ и

воздыханій, чѣмъ горячей молитвы за тебя, то вѣрь, что это является слѣдствіемъ переживаемаго всѣми остраго чувства горькаго сожалѣнія о твоей кончинѣ и предстоящей навѣки разлукѣ съ тобою.

Удрученная горемъ супруга-вдова, вы опечаленные дочь и присни-не! Что сказать мнѣ въ утѣшеніе ваше въ эти тяжелыя минуты несчастія? Человѣческія слова, растворенныя самими лучшими благожеланіями, едвали могутъ унять скорбь вашего сердца и принести желаемое утѣшеніе. Да и мнѣ ли утѣшить васъ? Я и самъ огорченъ разлукою съ любимымъ и относившимся ко мнѣ любовно и доброжелательно о. ректоромъ. Иного всемогущаго Утѣшителя укажу вамъ. Вотъ предъ вами кроткій ликъ Христа, могущаго преложить вашу скорбь на радость. Къ Нему, Отцу сирыхъ и всѣхъ болѣзнующихъ, чаще спѣшите подѣ кровъ, какъ обремененія, и Онъ упокоитъ васъ. Ты Самъ, Господи, плакалъ надъ гробомъ брата Твоего Лазаря, Самъ скорбѣлъ и тужилъ и прискорбну до смерти душу имѣлъ (Мате. XXVI, 37—38) въ страшную для Тебя Геесиманскую ночь, не осуди же нашихъ слезъ и воздыханій у гроба нашего собрата и Твоего раба, предлежащаго о. протоірея Петра. Прими наши моленія и слезы, какъ кадило благовонное и жертву благоприятную Тебѣ за него: „покой съ праведными раба Твоего и сего всели во дворы Твоя, якоже есть писано, презирая, яко благъ, прегрѣшенія его вольная и невольная“, вмѣни вѣру его вмѣсто дѣлъ, возьми семью его подѣ Свою защиту, „яко же кокошь собираетъ птенцы Своя подѣ крылѣ (XXIII, 37). И Ты, Пречистая Госпоже, Богородице Дѣво, Сама испытала всю горечь материнской скорби въ разлукѣ съ возлюбленнымъ Сыномъ Своимъ, когда острое оружіе пронзило Твое сердце у Голгоесскаго креста,—призри же милостивымъ Твоимъ окомъ на скорбящихъ, вложи въ сердце ихъ утѣшеніе, поддержи ихъ, ибо они „не имутъ лежи помощи, не имутъ инны надежды, развѣ Тебе, Владычице“.

Что же скажу вамъ, сослуживцы, бывшіе и настоящіе питомцы сей школы и всѣмъ тѣмъ, которые пришли почтить память почившаго? Вамъ бывший начальникъ и сослуживецъ, съ которымъ вы долгое время трудились на поприщѣ духовнаго просвѣщенія юношества, вашъ бывший руководитель и молитвенникъ, предъ которымъ вы нерѣдко раскрывали свои нужды и горе, нынѣ безмолвенъ, бездыханенъ. Нынѣ, навѣки раставаясь съ вами, онъ не скажетъ: „простите меня, какъ

и я прощаю и благославляю васъ“. Но зная его незлобивость, сострадательное сердце, его мягкой уступчивый характеръ, всегда избѣгавшій всякихъ столкновеній немирнаго свойства, давшій ему возможность 27 лѣтъ прослужить съ вами въ примѣрной любви и мирѣ, я глубоко убѣжденъ, что онъ въ послѣднія минуты жизни молился за насъ, что въ тѣ мгновенія, когда смерть витала у его одра и затемняла его сознаніе, онъ простилъ насъ и не понесъ съ собою за гробъ зла или недовольства нами. Посему нынѣ отъ лица его я обращаюсь къ вамъ съ мольбою: ради Христа и вы, всѣ отцы, и братіе и сестры, простите почившему всѣ его прегрѣшенія, покройте ихъ свою горячею любовью и молитесь, молитесь на него. Если вся жизнь твоя, глубокочтимый отецъ ректоръ, протекла на глазахъ нынѣ окружающихъ гробъ твой, если всѣмъ намъ извѣстно, что ты былъ добрымъ пастыремъ и служителемъ храма сего, всегда справедливымъ къ подчиненнымъ, безропотно переносившимъ всякую тяготу и зной своего нелегкаго служенія (Матѣ. XX, 12); то будь увѣренъ, мы вознесемъ къ нашему Творцу теплыя молитвы о прощеніи твоихъ грѣховъ и о водвореніи тебя въ селеніяхъ праведныхъ, въ чемъ ты теперь только и нуждаешься. «Молю всѣхъ знаемыхъ, и друзей моихъ, приидите помянувши мою къ вамъ любовь, послѣдуйте, и гробу предадите брѣніе мое сіе, помяните ма предъ Господемъ, яко да въ день судный обрящу милость на судищи ономъ страшномъ». (Изъ чинослѣд. священ. погребенія). Вотъ о чемъ умоляетъ теперь насъ почившій словами Святой Церкви. И мы ли не услышимъ этой его единственной и послѣдней просьбы? Было время, когда онъ самъ молился о всѣхъ предъ престоломъ Всевышняго, а теперь не можетъ уже обратиться къ Богу съ мольбою о себѣ самомъ: „уста упразднишася, языкъ преста“. Конечно, мы вѣримъ, что Господь, по Своему милосердію, не оставитъ почившаго собрата нашего Своею милостью за его добрую отзывчивую душу, мирную жизнь воздастъ ему должное. Но все же душа его не можетъ не страшиться предъ правосудіемъ Божиимъ за тѣ обычныя человѣческія слабости, которыхъ не чуждъ бываетъ никто изъ смертныхъ: „нѣсть чловѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ“. И нашъ долгъ, наша священная обязанность облегчить его душевныя страданія и своими молитвами способствовать достиженію имъ небеснаго царствія.

Помолимся же, возлюбленные братья и сестры, объ усопшемъ рабѣ Вожіемъ Петрѣ, да упокоить Господь душу его и да простить вся согрѣшенія его. Ты же дорогой братъ нашъ, о. Петрѣ Димитріевичъ, принявъ отъ насъ послѣднее прощальное цѣлованіе, иди съ миромъ и наслѣдуй уготованное тебѣ мѣсто, „идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни въздыханія, но жизнь безконечная“.

VI. Рѣчь, произнесенная воспитанникомъ семинаріи Н. Ивановымъ, предъ опущеніемъ тѣла усопшаго въ могилу.

Сейчасъ, братіе, мы собрались сюда для того, чтобы предать землѣ бранные останки бывшаго нашего ректора, воспитателя и наставника о. Петра.

При прощаніи ярче и рѣзче встаетъ предъ нашими духовными очами образъ почившаго, и много мы находимъ въ немъ свѣтлаго, дорогого, что заставляетъ насъ съ любовію и уваженіемъ вспоминать объ этомъ образѣ.

Чѣмъ же былъ почившій для насъ, воспитанниковъ, когда онъ 27 лѣтъ состоялъ на высокомъ и отвѣтственномъ посту ректора семинаріи? Всѣ мы, когда либо учившіеся при немъ, на этотъ вопросъ единодушно скажемъ: „онъ былъ для насъ отцемъ“. Облеченный властію и имѣющій возможность быть только строгимъ начальникомъ, онъ предпочиталъ быть для насъ любящимъ, кроткимъ, но въ то же время авторитетнымъ и справедливымъ отцемъ. И какъ дѣти къ отцу, шли мы къ нему со всѣми своими нуждами и заботами, обращались къ нему въ критическія минуты, которыя иногда бываютъ въ нашей жизни. Шли смѣло, не боясь встрѣтить холодное равнодушіе. И мы никогда не ошибались. Его мягкое, благотворное вліяніе на наши сердца, его готовность помочь намъ и дѣломъ и совѣтомъ, а главное его простое и задушевное обращеніе съ нами, оставили неизгладимый слѣдъ въ нашей душѣ. И вотъ, уже по прошествіи многихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ было такъ много всего пережито, прощаясь съ нашимъ дорогимъ отцемъ и наставникомъ, мы вновь воскрешаемъ сохранившіяся въ нашемъ сердцѣ чувства теплой любви и глубокаго уваженія къ почившему. И въ этомъ порывѣ мы не останемся одинокими. Мы увѣрены, что съ нами сольются въ одномъ чувствѣ всѣ, которые учились въ семинаріи при о. Петрѣ и которые теперь уже

вышли на тернистую дорогу жизни. Они вспоминаютъ, сколько ихъ онъ подкрѣплялъ, ободрялъ и наставлялъ своимъ добрымъ совѣтомъ. Они вспоминаютъ, сколько ихъ, казалось уже окончательно погибшихъ въ порокахъ, онъ выводилъ на хорошую дорогу. Они вспоминаютъ, наконецъ, и ту матеріальную поддержку, которую онъ оказывалъ многимъ. Они вспоминаютъ все это и вмѣстѣ съ нами отъ всего сердца скажутъ: „Упокой, Господи, душу усопшаго раба твоего“. Аминь.

(Продолженіе слѣдуетъ).
